

Москва, август 2013

Moscow, August 2013

ИСЛАМ В ПОЛИТИКЕ: ИДЕОЛОГИЯ ИЛИ ПРАГМАТИЗМ?

Аналитический доклад Международного
Дискуссионного клуба «Валдай»

ISLAM IN POLITICS: IDEOLOGY OR PRAGMATISM?

Valdai Discussion Club
Analytical Report

Ислам в политике: идеология или прагматизм?

*Аналитический доклад
Международного
дискуссионного клуба
«Валдай»*

eng

рус

Москва, август 2013
valdaiclub.com

Доклад подготовлен авторами на основе материалов выступлений и дискуссий, состоявшихся в ходе проходившего в г. Марракеш (Королевство Марокко) 14–15 мая 2013 г. Ближневосточного диалога Международного дискуссионного клуба «Валдай». В нем участвовали, с одной стороны, видные представители политического класса из стран Ближнего Востока и Северной Африки, в том числе лидеры исламистских движений, с другой – известные эксперты и аналитики из России и многих государств мира, а также журналисты.

Авторы доклада:

Директор Института востоковедения Российской академии наук,
член-корреспондент РАН, профессор **Виталий Наумкин**

Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат юридических наук
Александр Аксенёнок

Старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук,
кандидат исторических наук **Борис Долгов**

Главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук,
доктор исторических наук, профессор **Ирина Звягельская**

Научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук; директор
Центра проблем трансформации политических систем и политических культур МГУ
имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук **Василий Кузнецов**

Директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований
МГИМО (У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол **Вениамин Попов**

Оглавление

4	1. Введение
6	2. Политический ислам в странах «арабского пробуждения»: между обществом и государством
20	3. Переплетения конфессиональных противоречий
32	4. Политический ислам и международные отношения на Ближнем Востоке
49	5. «Новый» Ближний Восток, политический ислам и интересы России
56	6. Послесловие

1. Введение

Бурные события «арабского пробуждения» 2011–2012 гг. на Ближнем Востоке и в Северной Африке, как известно, привели к серьезной социально-политической трансформации: в одних государствах – к падению правивших в них в течение десятков

лет в разных странах общим был выход на политическую арену исламистских партий и организаций, в подавляющем большинстве суннитского толка, которые, в частности, пришли к власти в таких странах, как Тунис и Египет.

Ситуация во всем регионе характеризуется высокой степенью неопределенности и волатильности, что предопределяет большой разброс мнений между политиками и экспертами по поводу причин ее трансформации, состояния и перспектив развития

лет авторитарных режимов, в других – к обновлению политических элит, в третьих – к неутрачиваемому кровавому противостоянию этноконфессиональных и политических сил. При всем различии ситуа-

ции в разных странах общим был выход на политическую арену исламистских партий и организаций, в подавляющем большинстве суннитского толка, которые, в частности, пришли к власти в таких странах, как Тунис и Египет.

То, что ситуация во всем регионе по-прежнему характеризуется высокой степенью неопределенности и волатильности, предопределяет большой разброс мнений между политиками и экспертами по поводу причин ее трансформации, состояния и перспектив развития. В частности, немалая их часть полагает, что болезненная трансформация арабского мира – долгосрочный процесс, который грозит затянуться на годы, а то и на десятилетия. Другая их часть уверена, что пик изменений уже пройден или завершится в течение примерно года, и можно говорить скорее о новой фазе трансформации, не столь бурной и радикальной, как пережитая.

Еще один срез разногласий касается роли и места исламистов в государствах, пораженных революциями, мятежами и переворотами. Одни аналитики считают, что «исламская составляющая» трансформационного процесса останется его неотъемлемой частью на долгосрочную перспективу. Иначе говоря, исламисты пришли во власть всерьез и надолго, и в ближайшее время ни одна другая сила не сможет бросить им серьезный вызов. Население убедительно продемонстрировало, что верит в исламистов, и этот кредит доверия нескоро может быть исчерпан. Другие думают, что дни исламистов во власти сочтены.

Они неспособны справиться с тяжелейшими проблемами своих обществ, в первую очередь социально-экономического характера, не смогут оправдать большие надежды, возлагаемые на них массовым протестным движением, на гребне которого они пришли во власть. Общеизвестно, что основной движущей силой протестного движения, в первую очередь в таких странах, как Тунис и Египет, была молодежь, которая требовала ухода прежних лидеров и поддерживающих их элит, расширения политического участия, уважения достоинства и прав граждан, справедливости, искоренения коррупции, безработицы, социального неравенства и повышения уровня жизни. Исламисты же присоеди-

лись к этому движению лишь на последнем этапе. Некоторые политические деятели арабского мира даже говорят о том, что исламисты «украли» победу у восставшей молодежи //Такое мнение, в частности, высказывал в своих выступлениях такой известный арабский политический деятель, как бывший министр иностранных дел Египта, бывший генеральный секретарь Лиги арабских государств Амр Муса. Известный индийский аналитик, участник Ближневосточного диалога Полур Раман Кумарасвами считает, что реальный вклад исламистов в свержение диктаторов минимален и может вообще быть оспорен, «однако их электоральную победу нельзя отрицать»//.

Правда, есть и те, кто считает, что именно исламисты с самого начала были инженерами революционных событий, лишь воспользовавшись недовольством модернизированной молодежи, при этом основным инструментом мобилизации была мечеть, а вовсе не Интернет //Один из известных американских аналитиков, бывший высокопоставленный сотрудник ЦРУ Майкл Шеер в своих многочисленных интервью проводит идею о том, что высокообразованная прозападная молодежь вообще составляет незначительную часть населения Египта и уже потому не может играть важную роль в определении судьбы страны//.

2. Политический ислам в странах «арабского пробуждения»: между обществом и государством

Исламизм и секуляризм: враги, соперники или «двуликий Янус»?

Одни аналитики разделяют тезис, характеризующий «арабское пробуждение» как «великую исламистскую революцию», по масштабам общественного потрясения сопоставимую с иранской революци-

зации новых пока не ясна, как неясен исход противостояния между лагерем исламистов, с одной стороны, и лагерем светских националистических, левых и либеральных сил, тем более с учетом порой ожесточенного соперничества между различными группировками внутри каждого из этих лагерей.

Одни аналитики разделяют тезис, характеризующий «арабское пробуждение» как «великую исламистскую революцию», другие относятся к нему критически

ей 1979 г. (только в последнем случае – в рамках одной страны). Другие относятся к нему критически, подчеркивая, что говорить о замене светских режимов исламскими некорректно в силу ряда обстоятельств. В частности, прежние режимы были не все и не вполне светскими, а степень ислами-

Что касается сомнений по поводу характеристики свергнутых режимов, то они были светскими в том смысле, что политическое поведение руководства Туниса, Египта, Йемена, Ливии не обуславливалось религиозной догматикой, принятие политических решений не объяснялось через призму священных текстов, а легитимизация власти в основном осуществлялась не на религиозных основаниях. Вместе с тем, религиозные институты полностью отделены от государства не были, а в системе образования, равно как и в политическом дискурсе, наличествовали религиозные компо-

ненты. Более того, каждый из лидеров этих государств в большей или меньшей степени пытался позиционировать себя в религиозном пространстве с помощью тех или иных символических жестов и всячески демонстрировал личную религиозность. Некоторые из них имплементировали отдельные нормы шариата в законодательство (Ливия, Египет), вынашивали идеи создания умеренных религиозных проправительственных партий (Тунис), а в случае с Марокко король и вовсе всегда оставался религиозным лидером страны, будучи

мой: «Ислам – это религия и государство» (ад-дин ва-д-дауля). Более того, ровно такое же отношение к проблеме демонстрируют подчас и ближневосточные христиане, из уст которых можно услышать утверждение: «Я христианин по вероисповеданию, но мусульманин по национальной принадлежности». Все это, однако, не мешает исламистам видеть в секуляризме (в его классическом понимании) едва ли не главного противника мусульманской идентичности.

Центральным вопросом политической повестки дня в странах «арабского пробуждения» в постреволюционный период стала проблема религиозной и историко-культурной идентичности как общества, так и государства

носителем халифского титула «повелителя правоверных».

По мнению ряда экспертов, такое понимание религии имманентно присуще арабской культуре, и перспектива развития в регионе светских в европейском понимании политических систем в принципе нереальна вне зависимости от всякого «арабского пробуждения». Дело в том, что в исламе разделение на религиозность и секулярность условно и имеет место как бы внутри самой религии. Обоснованность этого вроде бы парадоксального тезиса подтверждается суннитской макси-

Соответственно вышеупомянутой точке зрения, как дореволюционные политические режимы, так и пришедшие им на смену исламские партии и политические организации необязательно являются партиями религиозными, напротив, зачастую речь может идти о «светских исламских партиях», ратующих за построение так называемого «гражданского

государства исламской ориентации», концепция которого сегодня активно развивается. Соответственно этой логике анализ политических процессов, текущих в арабском мире, через призму противопоставления ислама и секуляризма, не совсем отражает реальность. Для многих политиков это противопоставление неактуально: так, например, один из лидеров президентской гонки в Египте в 2012 г. Хамдин Саббахи не затрагивал религиозной проблематики в своей кампании, сосредоточив внимание на проблеме демократизации. Согласно ему, как политический ислам, не приемлющий светские силы, так и секулярные

партии, отрицающие право на существование исламистских организаций, выступают противниками демократии, а, следовательно, апологетами диктатуры и предателями революции.

Вместе с тем, как многие светские, так и целый ряд исламистских сил сегодня демонстрируют неоднозначное отношение к религиозной проблематике и вовсе не призывают к изгнанию с политической арены своих оппонентов. Светские партии, выступая против политического ислама, почти никогда не говорят об отделении

Политическую же свою стратегию они выстраивают на основании рациональных аргументов, лишь риторически апеллируют к священным текстам. В этой связи можно привести в пример правящую в Турции Партию справедливости и развития (ПСР), в свое время признавшую светский принцип государственного устройства страны, несмотря на свою исламскую ориентацию. Однако противники партии Эрдогана обвиняют ее в «ползучей исламизации». В этом контексте показательна развернувшаяся недавно полемика вокруг принятого турецким парламентом закона об ограничении продажи и рекламы спиртных напитков, в чем оппоненты ПСР увидели наступление на свободы и права человека // *Интервью депутата НРП от Стамбула Ихсана Озкеса (Ihsan Ozkes) газете «Енишафак 30 мая 2013. Эл. ресурс: <http://yenisafak.mobi/politika-haber/eski-muftuden-alkol-duzenlemesine-est-30.05.2013-528211/>*.

Светские партии обвиняют исламистов в использовании религии лишь для захвата власти и неготовности управлять государством. Адепты исламистов указывают на то, что они вполне способны к эффективному управлению

религиозных институтов от государства или об отмене элементов религиозного просвещения в образовательной системе. В ряде случаев (в основном, в Египте) они часто предпочитают называть себя не светскими, а гражданскими, и иногда даже вступают в коалиции с умеренными исламистами. Последние же, как правило, не отрицают ни концепцию универсальных прав человека, ни демократические принципы управления, а подчас готовы признать и светский характер государства.

Все это показывает, что жесткая антиномия «светскость – исламизм» не в полной мере отражает ближневосточную реальность. И все же эта антиномия сегодня не только существует, но, кажется, даже доминирует в информационном пространстве. Причина, вероятно, кроется в очевидном факте: центральным вопросом политической повестки дня в странах «арабского пробуждения» в постреволюционный период стала проблема религиозной и историко-культурной идентичности – как общества, так и государства.

И здесь сегодня предлагается (как и всегда предлагалось) три проекта – панарабский (сегодня маргинальный), либеральный (прозападный, условно светский) и арабо-мусульманский, представленный исламистскими партиями. Эти три проекта имеют тенденцию к поляризации, в результате которой леволиберальный полюс противопоставляется полюсу исламистскому, в то время как противоречия между собственно либеральными и левыми (обыкновенно панарабскими) идеологиями нивелируются.

Таким образом, возникает очевидное противоречие. Если на уровне политической практики и программ и леволиберальные, и исламистские силы склонны к некоему синтезу принципов современной государственности и традиционных исламских ценностей (пусть и в разных пропорциях), то на уровне политического дискурса они не устают обвинять друг друга в «двойной игре» – то есть в стремлении светских сил к отказу от каких бы то ни было исконных исламских ценностей и традиций, а исламистов – к выстраиванию исламской государственности и отказу от универсальных прав и свобод. Фактически именно эти взаимные обвинения становятся сегодня основой структурирования политического пространства и определения идентичности партий в глазах электората.

Ответный упрек исламистов заключается в том, что, в то время как они предлагают опирающиеся на традиционные религиозные ценности проекты будущего устройства, олицетворяющие позитивное начало, идеология чисто светских партий, будучи

по сути антиисламской, в корне негативна, а их проект будущего туманен и опирается на заимствованные у западных демократий ценности. Светские партии обвиняют исламистов в использовании религии лишь для захвата власти, в авантюризме и неготовности управлять государством. Однако адепты исламистов указывают на то, что они могут быть вполне искренни и способны к эффективному управлению, доказательством чему служит опыт «Хизбаллы», давно демонстрирующей успехи не только в социальной, но и в административной сферах, а также на уровне региональной политики. Другой пример – опыт правительства ХАМАС в Газе, которому в тяжелейших условиях удается поддерживать стабильность и сохранять поддержку со стороны населения. Они напоминают и о том, что у светских националистов уже был шанс осуществления собственного проекта, и они этот шанс упустили – провозглашаемый ими либеральный курс и попытки отделить религию от государства не только были негативно восприняты арабскими обществами, но и привели сами эти общества к отсталости, а государства – к полной несостоятельности, свидетельством чему собственно и стало «арабское пробуждение» (вспоминается в этой связи и судьба режима Саддама Хусейна).

Исламисты: строители или могильщики демократии?

При том что и наиболее активная часть общества, и большинство партий в арабских государствах декларируют свою приверженность демократии и недопустимость отката к авторитаризму, имен-

но проблема демократизации становится сегодня камнем преткновения между различными политическими силами региона. Насколько демократически были избраны исламистские власти? Являются ли они

Проблема демократизации становится сегодня камнем преткновения между различными политическими силами региона

последовательными приверженцами демократии или тайно лелеют мечту о монополизации власти и строительстве нового авторитаризма? В чем вообще состоит суть демократии на Ближнем Востоке? Ни по одному из этих вопросов, как можно заключить, сегодня не существует общественного консенсуса.

Представители исламистов подчеркивают, что легитимность их нахождения у власти обеспечивается именно победой на свободных выборах, в ходе которых население показало, что политический ислам сегодня выступает той силой, от которой ждут, что она принесет в общество демократию, плюрализм и свободу.

Их противники приводят два основных контраргумента. Первый состоит в том, что электоральная победа, одержанная с небольшим перевесом, не демонстрирует массовой поддержки исламистов населением, учитывая невысокую явку на выборах. Кроме того, не привыкшее к свободному

волеизъявлению население, выбирая, порой руководствуется лишь протестными эмоциями. Из этого следует, что исламистские партии не имеют достаточной легитимности для выстраивания новой политической

архитектуры по собственным лекалам. Второй же контраргумент сводится к тому, что арабское общество, не имея опыта демократии, не готово осуществить сознательный выбор: оно просто не понимает существа политических дебатов, парламентаризма, гражданских прав и свобод. Учитывая

оба этих обстоятельства, победа исламистов представляется их противниками как результат политтехнологической игры, а сами они – носителями не национальных, а узко партийных интересов, «похитившими плоды революции» и стремящимися установить новый авторитаризм.

В качестве конкретных доказательств этого приводится принятие в Египте новой конституции, содержащей более ярко выраженную исламскую составляющую, нежели прежняя, фактическое превращение совета Шуры «Братьев-мусульман» в законодательный орган и попытка расширения президентских полномочий Мухаммадом Мурси, предпринятая не в национальных, а в партийных интересах и вопреки воле общества. Аналогии подобным демаршам можно найти и в Тунисе. Там исламисты также пытались летом 2012 г. установить шариат в качестве основы законодательства (однако встретили противодействие гражданского общества и пошли на попятный), совет Шуры партии «Ан-Нахда»

фактически самостоятельно определил на пост премьер-министра Али Аль-Арайида, а последний, будучи еще министром внутренних дел, дал «зеленый свет» многочисленным салафитским милициям.

Исламисты сегодня вынуждены стать агентами изменений, той силой, которая создаст новые – демократические – институты государственной власти и процедуры ее отправления

По мнению сторонников исламистов, эти обвинения нельзя считать вполне обоснованными. Египетская конституция была принята на референдуме, где за нее проголосовало 70% пришедших на участки, и даже если многие сегодня не согласны с ее содержанием, то миллионы людей все же ее поддержали. Более того, основная часть привнесенных в текст изменений существовала в египетском законодательстве и ранее, только не на конституционном уровне, а на уровне отдельных актов. Наконец, текст конституции не вступает ни в какое противоречие с позициями основных политических сил по ключевым проблемам – гражданских прав и свобод, положения конфессиональных меньшинств, прав женщин. В Тунисе «Ан-Нахда» вообще отказалась от первых проектов основного закона и продолжила согласование его текста с оппозицией.

Руководящие органы правящих исламистских партий сегодня, если и выполняют

законотворческие функции, то исключительно в легитимных рамках: все законы принимаются соответствующими парламентскими инстанциями, и не вина исламистов, если они занимают там большинство мест, а их депутаты соблюдают партийную дисциплину лучше, нежели другие.

Наконец, что касается деятельности президента Египта Мухаммада Мурси и премьер-министра Туниса Али Аль-Арайида, то оба они исполняют свои полномочия в рамках мандата, предоставленного им народом, и отстаивание ими узкопартийных интересов в ущерб интересам национальным еще не доказано. В конце концов, Мурси проявил себя как египтянин, а не как исламист, активно действуя во время кризиса в секторе Газа осенью 2012 г., а Аль-Арайид на посту премьер-министра ныне выказывает всяческую готовность давать жесткий отпор радикальным салафитским группировкам.

В рамках публичного дискурса исламисты вообще отрицают противоречия между их партикулярными и общенациональными интересами. Так, египетская салафитская партия «Ан-Нур», равно как и тунисская «Ан-Нахда», заявляют о том, что выступают против установления диктатуры, за гарантии общепризнанных гражданских прав и декларируют готовность активно сотрудничать со всеми партиями, стоящими на конструктивных позициях. В конечном счете, утверждают партийные идеологи, ислам изначально поддерживает

свободу вообще и свободу выбора в частности, и потому исламисты являются первыми сторонниками демократии.

Вместе с тем, нельзя не признать отмечаемую многими аналитиками субъективность, демонстрируемую исламистами в осуществлении их политической линии. Впрочем, проблема, вероятно, заключается

ство широких слоев населения, но не создав при этом каналы легитимного выражения протеста и влияния на власть, можно ли и тогда будет говорить об их приверженности демократии? Не останется ли в этом случае единственной альтернативой новая волна уличных протестов с целью отстранения этого режима от власти, как это было с прежним руководством? Кто гарантирует, что сценарий «арабской весны» не будет

повторяться вновь и вновь и способны ли вообще исламисты уступить власть в результате возможного поражения на выборах?

Исламисты проводят различие между демократией как принципом осуществления власти, который сторонники этих взглядов признают, и демократией как совокупностью заимствованных на Западе институтов и процедур, которую они отвергают

не в них самих, а в несоразмерности их общественной поддержки и стоящих перед ними задач. В конце концов, одержав относительную и во многом конъюнктурную победу на выборах, они сегодня вынуждены стать агентами изменений, то есть той силой, которая создаст новые – демократические – институты государственной власти и процедуры ее отправления, справится с задачей, явно требующей консенсусной поддержки всех основных политических сил и слоев населения.

Однако если сила, пришедшая к власти демократическим путем, проявит вышеупомянутую субъективность в национально-государственном строительстве, вызвав недоволь-

Один из важнейших вопросов демократии касается стандартов. Представители самих исламистских политических организаций характеризуют политический процесс в странах «арабского пробуждения», где они победили на выборах, как демократический именно в силу данного обстоятельства, а также потому, что новая власть осуществляет свою деятельность в рамках закона и в условиях конкуренции. Их оппоненты акцентируют внимание на том, что демократия по существу представляет собой процесс, включающий в себя построение институтов, в том числе независимой судебной системы, налаживание работы независимых СМИ, свободной и равноправной деятельности политических партий и НПО. Урны для голосования служат лишь отправной точкой этого процесса. Если ориентироваться на иракский опыт, то именно на этом – послевыборном – этапе декларируемый

«демократический транзит» входит в свою наиболее уязвимую стадию.

В условиях, когда основная часть общества продемонстрировала стремление к демократии без полноценного понимания ее сущности, а искренность устремлений правящих сил и их интерпретация демократии остаются неочевидными, успешность прохождения этой стадии внушает определенные опасения.

Опасения по поводу планомерного продвижения национально-государственного строительства по пути демократии, как можно заметить, разделяют и сами исламисты. Признавая, что богатое исламское наследие должно сегодня использоваться в политической практике, некоторые из них предлагают заместить этим наследием ряд элементов западной политической системы, что позволит сделать ее более аутентичной, естественной для арабского общества. Тем самым проводится различие между демократией как принципом осуществления власти, который сторонники этих взглядов признают, и демократией как совокупностью заимствованных на Западе институтов и процедур, которую они отвергают //Один из участников диалога сказал: «Мы, исламисты, проводим различие между демократией как принципом и демократией как практикой». По его мнению, эта амбивалентность открывает многие возможности, но и несет опасность//. Такая амбивалентность – традиции и современности, аутентичности и универсальности – с одной стороны, открывает перспективу выстраивания гармоничной системы, с другой же –

порождает опасности возвращения к диктатуре. Единственным способом избежать этой опасности, с точки зрения самих исламистов, является их способность совершить правильный моральный выбор, основанный на заповедях веры.

Конечно, многое будет зависеть от того, проявят ли исламисты Египта и Туниса готовность работать над развитием в своих странах гражданского общества, предоставив ему некоторые общественно-политические функции. Это отчасти окажет влияние на то, насколько успешными будут начатые и намеченные реформы вне зависимости от того, будет ли созданное в их результате государство называться демократическим, исламским, демократическим с исламским лицом или каким-либо еще.

Возможен ли общественный консенсус?

Горячие споры о перспективах демократии с исламским лицом в государствах «арабского пробуждения» сегодня носят пока чисто теоретический характер – построение демократии, да еще опирающейся на свои культурно-религиозные традиции, в короткие сроки невозможно. Вместе с тем турбулентность, охватившая ближневосточный регион, ставит перед новыми правителями вполне конкретные задачи укрепления (или воссоздания) государственных институтов и повышения эффективности управления. Решение этих задач невозможно в отсутствие минимального общественного консенсуса и доверия населения к политическим элитам. Они, в свою очередь, едва ли возможны при слабости общенациональной идентичности, переживающей

сегодня очевидный кризис, который как раз и проявляется в споре между секуляристами и исламистами, напоминающем противостояние западников и славянофилов в России XIX в.

До прихода к власти исламистов арабские страны в XX в. прошли через две стадии развития. На первой из них единство общества, стабильность и национальное строительство обеспечивались монархиями. Лишь в нескольких случаях абсолютистская власть смогла стать носителем модернизации и прогресса, но чаще она была

зались неспособными к национальной консолидации и эффективному управлению. Напротив, как показали события в Ливии, Йемене и Сирии, они оказались подвержены внутренней фрагментации, ведущей к выстраиванию сложной и неустойчивой системы сдержек и противовесов антагонистических групп. Арабские военные режимы тем самым принципиально отличались от турецкой армии, которая на длительное время (но тоже не навсегда) смогла обеспечить не только существование некоей системы государственной власти, но также формирование и развитие ее институтов.

Укрепление государственных институтов и повышение эффективности управления невозможны в отсутствие общественного консенсуса и доверия населения к политическим элитам, что едва ли возможно при слабости общенациональной идентичности, переживающей сегодня очевидный кризис

склонна не только к консервации традиционных властных отношений, но и к архаизации социума, что и привело к серии революций в целом ряде арабских стран в 1950-е гг. На следующем этапе главными проводниками реформ стала армия, игравшая активную роль в политике. Будучи в основном светскими националистами, военные на какое-то время смогли обеспечить национальное единство, однако, за исключением Египта, они повсюду ока-

Ни монархические, ни военные режимы не испытывали потребности в выстраивании гражданской идентичности общества. В первом случае общенациональная идентичность сводилась к признанию монархической власти (символом чего в ряде государств была и остается клятва верности монарху – бай'а), во втором же ее отсутствие компенсировалось жестким авторитаризмом силовых структур. Однако

сегодня в отсутствие того и другого и при условии заявки на построение демократии власть нуждается в создании и развитии ответственного гражданского общества.

В поисках этой поддержки исламистам, верным собственному видению исторического процесса, приходится одновременно и имитировать Запад, и черпать вдохновение в собственно исламском опыте времен пророка Мухаммада и праведных халифов.

Однако, если в том далеком прошлом общественный консенсус означал обнаружение точек соприкосновения между верующими, придерживавшимися разных точек зрения на ряд религиозно-политических проблем, то сегодня он, в первую очередь, означает способность власти взаимодействовать со светскими мусульманами, конфессиональными меньшинствами, атеистами, женщинами. Без такого взаимодействия идеологически ориентированные исламисты окажутся силой более опасной, чем свергнутые военные, которые были вынуждены на протяжении многих лет не управлять

общество целиком. Единственным способом достичь искомого консенсуса, по их мнению, является проведение принципиального водораздела между религией и политикой. Однако на этом пути они неизбежно столкнутся ровно с той же проблемой, что и их оппоненты (только зеркально отраженной): в конце концов, на протяжении долгих лет именно приверженцы политического ислама составляли наиболее активную и стойкую часть гражданского общества – религиозно-политическое взаимодействие является краеугольным камнем их политической самоидентификации.

Светские силы продемонстрировали свою слабость в постреволюционный период и сегодня вынуждены сосредотачиваться не на принципиальных вопросах развития общества и государства, а на способах привлечения электората и на подготовке к предстоящим выборам

арабским миром, а бороться за выживание и, в конечном счете, либо будут вынуждены отказаться от власти, либо ввергнут регион в междоусобицу и хаос.

Но, может быть, в таком случае, арабские общества должны отказаться от исламистского проекта в пользу проекта светского? Однако, как показывает практика, секуляристы сегодня не в меньшей степени претендуют на то, чтобы представлять все

Другая проблема состоит в том, что светские силы продемонстрировали свою слабость в постреволюционный период и сегодня вынуждены сосредотачиваться не на принципиальных вопросах развития общества и государства, а на способах привлечения электората и на подготовке к предстоящим выборам. Тем же заняты и победившие в прошлый раз исламисты – за прошедшие два года они лишились части своих конкурентных преимуществ, и сегодня впервые в своей истории оказались вынужденными действовать в конкурентной среде. И, возможно, правы те, кто считает, что в постреволюционный период все сущностные проблемы и споры оказались подчинены сиюминутным интересам политических группировок, соревнующихся в борьбе за власть.

По мнению многих экспертов, в ситуации, когда внутренний кризис арабского мира

По мнению многих экспертов, в ситуации, когда внутренний кризис арабского мира

усугубляется позицией внешних игроков (прежде всего Запада), также по-своему переживающих дискредитацию государственных институтов и эрозию общественных структур, основное внимание должно быть уделено не выстраиванию общегражданских идентичностей и нахождению общественного консенсуса (ни то, ни другое сегодня невозможно), а поиску механизмов выживания общественных структур и государственных

приведет к восстановлению дореволюционной ситуации, а в худшем варианте – устойчивое развитие в долгосрочной перспективе окажется в принципе невозможным.

Как управлять эффективно?

Само выживание общества и государства зависит от способности правящих сил противодействовать дальнейшей эрозии институтов власти, обеспечивать общественную и национальную безопасность и отвечать на запросы граждан в морально-этической сфере. Критики новых властей Египта, Туниса, Ливии и Йемена утверждают, что ни с одной из этих задач исламистские партии не справляются. Как заявила одна из арабских участниц валдайской конференции, ближневосточные

Выживание общества и государства зависит от способности правящих сил противодействовать дальнейшей эрозии институтов власти, обеспечивать общественную и национальную безопасность и отвечать на запросы граждан в морально-этической сфере

институтов. При этом в учет должны приниматься два соображения. Во-первых, эти механизмы не могут быть применены только в отношении отдельных стран, напротив, они должны быть более или менее универсально применимы ко всему региону, в том числе к государствам, пока что не затронутым «арабским пробуждением», поскольку тесное межстрановое взаимодействие и открытость границ (в том числе информационных) сегодня легко приводят к переливанию нестабильности и конфликтов. Во-вторых, эти механизмы не могут основываться на принципах доминантно-партийной системы (которые, очевидно, сегодня навязываются арабским странам их западными партнерами), поскольку в конечном счете это

исламисты везде попирают идею светского государства, хотят монополизировать власть; поддержка Западом исламистов была ошибкой; светские силы должны взять на себя ответственность за будущее своих стран, хотя им – преданным Западом – придется нелегко. Подобная критика лишь демонстрирует остроту споров о будущем государств «арабского пробуждения». Но среди представителей светских сил есть и немало тех, кто оптимистически смотрит на возможность идейно-политической эволюции значительной части вышедших на поверхность политической жизни исламистов, вынужденных быть прагматиками стремиться к сотрудничеству с другими силами.

Тем не менее, распространяя свое влияние на все стороны жизни общества, сегодня они становятся подвержены ровно тем же порокам, что привели к краху их предшественников: nepoтизму, клиентелизму и клановости. Так, например, характерно, что в первом правительстве тунисской правящей коалиции – Тройки – место министра иностранных дел досталось зятю лидера «Ан-Нахды» Рафику Абдесаляму, другие руководящие должности в СМИ, госкорпорациях и судебной сфере также получили люди, связанные личными отношениями с новыми властями. Уровень коррупции

ить систему, избавленную от старых пороков, как сочетать политическую демократию (институциональную и процедурную), на пути выстраивания которой наблюдаются очевидные успехи, с социальной – ответственностью государства и элит за состояние общества и перед обществом. Два существующих сегодня примера демократизации в арабских странах демонстрируют всю сложность этой задачи – с выполнением ее фактически не справился ни Ирак, ни Палестинская Национальная Администрация. Если в первом случае политическая демократизация привела к распростра-

Ключевой вопрос сегодня состоит в том, как выстроить систему, избавленную от старых пороков, как сочетать политическую демократию с социальной – ответственностью государства и элит за состояние общества и перед обществом

нению насилия и криминализации общества и государства, то во втором – более мягком – смена элит, произошедшая вследствие прихода к власти в секторе Газа правительства движения ХАМАС, также не вполне положила конец злоупотреблениям. Получение доступа к ресурсам в контексте лишенной конкуренции политической системы привело к тому, что новые власти, завоевавшие поддержку населения в свое время как раз благодаря неподверженности коррупции, в которой, как они утверждали, погряз ФАТХ, не смогли полностью избежать ее, взяв бразды правления в свои руки, не смогли выстроить дееспособные управленческие институты и успешно решить экономические проблемы (хотя в условиях блокады сделать это было чрезвычайно трудно, если не невозможно).

после революции и в Тунисе, и в Египте только вырос. Как охарактеризовал ситуацию известный тунисский правозащитник магистрат Мухтар Аль-Яхьяуи: «На смену коррумпированному режиму пришло коррумпированное общество».

Однако в 2011 г. гражданское общество выступало не столько против конкретных лидеров, сколько против самих порочных властных систем, символами которых эти лидеры стали. Соответственно, ключевой вопрос сегодня состоит в том, как выстро-

ить систему, избавленную от старых пороков, как сочетать политическую демократию (институциональную и процедурную), на пути выстраивания которой наблюдаются очевидные успехи, с социальной – ответственностью государства и элит за состояние общества и перед обществом. Два существующих сегодня примера демократизации в арабских странах демонстрируют всю сложность этой задачи – с выполнением ее фактически не справился ни Ирак, ни Палестинская Национальная Администрация. Если в первом случае политическая демократизация привела к распростра-

нению насилия и криминализации общества и государства, то во втором – более мягком – смена элит, произошедшая вследствие прихода к власти в секторе Газа правительства движения ХАМАС, также не вполне положила конец злоупотреблениям. Получение доступа к ресурсам в контексте лишенной конкуренции политической системы привело к тому, что новые власти, завоевавшие поддержку населения в свое время как раз благодаря неподверженности коррупции, в которой, как они утверждали, погряз ФАТХ, не смогли полностью избежать ее, взяв бразды правления в свои руки, не смогли выстроить дееспособные управленческие институты и успешно решить экономические проблемы (хотя в условиях блокады сделать это было чрезвычайно трудно, если не невозможно).

сложность текущей ситуации определяется тем, что силовые структуры в глазах общества в период «арабского пробуждения» оказались дискредитированы и вследствие этого деморализованы; тем, что они были недостаточно лояльны новым властям; и, наконец, тем, что в результате нелегального

(например, через введение чрезвычайного положения). Такое управление позволило бы режимам компенсировать неудачи, связанные с выстраиванием эффективных властных институтов, силовым давлением на общество. Эта перспектива вселяет дополнительный страх в общество, в особенности в его образованные и модернизированные слои.

Перед сегодняшними властями в сфере обеспечения безопасности стоят значительно более сложные задачи, чем перед их предшественниками, а имеющиеся в их распоряжении средства решения этих задач предельно ограничены

распространения оружия, резкого ослабления охраны государственных границ и усиления террористической инфраструктуры, вызванных сирийскими и ливийскими событиями, многократно возросли угрозы безопасности. Фактически перед сегодняшними властями в сфере обеспечения безопасности стоят значительно более сложные задачи, чем перед их предшественниками, а имеющиеся в их распоряжении средства решения этих задач предельно ограничены.

Вместе с тем, по мнению критиков исламистов, при определенных обстоятельствах (если те возьмут под контроль армию и спецслужбы) сложившаяся ситуация может быть использована властями для установления авторитарного правления и монополизации власти под предлогом борьбы с экстремизмом и при сохранении формально демократического фасада

но-политической поляризации по базовым экзистенциальным вопросам само существование политически нейтральных технократов вызывает сомнения: формальная беспартийность не может гарантировать непредвзятости. Следовательно, назначение на руководящие должности технократов позволит решить возникшие трудности только в том случае, если их появление вызвано исключительно объективными причинами, а не «злой волей» исламистов.

В этом контексте слышится призыв обратиться к иранскому и саудовскому опыту. В первом случае наблюдается довольно четкое разделение между морально-этической сферой, в которой господствуют исламские нормы и ценности, и сферой институциональной, организованной в значительной мере по процедурно демократическим стандартам. Во втором случае

Главная угроза состоит в несомненном стремлении более идеологически последовательных исламистов к насаждению их собственного видения истинно исламских морально-этических норм в повседневную жизнь общества и в законодательство

наблюдается разделение между общественно-политическими отношениями, основанными на традиционных принципах, и экономикой, организованной по западной модели (характерно, что, например, в исламском банкинге Саудовская Аравия сильно отстает даже от некоторых западных государств). В обоих случаях исламская мораль и традиционные ценности играют роль своеобразных контролеров общественных отношений, обеспечивающих их стабильность, и одновременно предоставляют определенные нравственные ориентиры в экономической деятельности

государства и в социальной политике властей.

Однако если радикальные исламисты и могут оказаться в чем-то более эффективными руководителями, чем нынешние, то все же угрозы, с которыми в будущем встретятся арабские общества на пути обновления, не менее серьезны, чем уже существующие.

Главная из них состоит, пожалуй, в несомненном стремлении более идеологически последовательных исламистов к насаждению их собственного видения истинно исламских морально-этических норм в повседневную жизнь общества и в законодательство. Понятно, что такая исламизация общественной жизни вызовет негативную реакцию значительных общественных групп, и прежде всего, конфессиональных меньшинств. Это выносит на одно из первых мест в ближневосточной повестке дня вопрос о перспективах внутри- и межконфессиональных отношений.

3. Переплетения конфессиональных противоречий

Внутри- и межконфессиональные отношения в ближневосточном регионе сегодня развиваются на трех основных уровнях: между мусульманами и немусульманами, между суннитским большинством и несуннитскими мусульманскими меньшинствами, между различными течениями внутри суннизма. Проблемы и конфликты, существующие на каждом из этих трех уровней, имеют собственные причины возникновения, различаются по динамике, перспективам развития и степени актуальности между отдельными странами региона.

Немусульмане Ближнего Востока: уходящая реальность?

Практически во всех арабских странах существует автохтонное немусульманское население: в основном христианское, но также иудейское. Кроме того, есть небольшие группы адептов новых религиозных движений и атеисты. Последние не фигурируют ни в каких социологических исследованиях, практически не институционализированы, и соответственно их число

не поддается подсчетам. Сегодня эти группы населения – и в первую очередь, христиане и иудеи – подвергаются трем основным угрозам.

Во-первых, в условиях ослабления системы безопасности они становятся объектами агрессии со стороны радикальных салафитов. Эта угроза вполне реальна и для Египта, где в 2012 г. происходили столкновения с коптами, и для Туниса, где осенью 2012 г. имели место нападения на столичную синагогу. Однако в целом ситуация должна быть разрешена с улучшением работы служб безопасности, которое, конечно, будет зависеть от многих факторов, но все они никак не связаны с конфессиональной проблематикой.

Во-вторых, значительно более серьезная угроза связана с опасностью использования межконфессиональных противоречий новыми властями для того, чтобы перенаправить общественное недовольство на миноритарные группы. Противники нынешних режимов обвиняют их в принципиальном

нежелании противодействовать насилию в отношении меньшинств. Это определяется, по мнению светской оппозиции, не только исламистской идеологией, согласно которой (в самых радикальных ее вариантах) иудеи и христиане являются неверными (кафирами), и против них, соответственно, должен вестись джихад, но и изначально тоталитар-

ние к меньшинствам, периодически демонстрируют жесткость в отношении салафитов (порой запрещая даже вполне мирные их митинги), устанавливают внешне чрезвычайно теплые отношения с лидерами миноритарных конфессий и указывают на то, что как бы их ни обвиняли в стремлении к тоталитаризму, именно они сегодня являются проводниками

демократии. Впрочем, все это не убеждает светскую оппозицию, уверенную, что означенные действия вызваны исключительно стремлением исламистов сохранить лицо перед Западом и закрепиться у власти. Не в полной мере они, судя по всему, убеждают и самих христиан и иудеев, эмиграция которых из стран «арабского пробуждения» после революции выросла.

Внутри- и межконфессиональные отношения в ближневосточном регионе сегодня развиваются на трех основных уровнях: между мусульманами и немусульманами, между суннитским большинством и несуннитскими мусульманскими меньшинствами, между различными течениями внутри суннизма

ным характером исламистских партий, предопределяющим необходимость назначения врага – внешнего (Израиль и Запад) и внутреннего (конфессиональные, сексуальные и др. меньшинства).

Такая точка зрения аргументируется как генетической общностью всех исламистских течений, их претензией на монопольное владение сакральной истиной, так и исторически обусловленным их протестным характером (они всегда боролись против чего-либо и не могут строить свою повестку дня на позитивных основаниях).

Возражая своим противникам, исламисты подчеркивают свое толерантное отноше-

В-третьих, нарушение прав конфессиональных меньшинств может стать результатом попыток исламистов осуществлять последовательную исламизацию всей общественно-политической жизни.

Если первые две угрозы распространяются, в основном, на христианское и иудейское население, то последняя касается и всех остальных и в целом смыкается с общей проблемой соблюдения прав человека в государствах Ближнего Востока.

Правда, в ответ на обвинения со стороны оппозиции нынешние власти указывают, что ни в одном из принятых при них или ими предлагавшихся официальных документов

(конституционные декларации, проекты конституций, сами конституции, программы партий и т.д.) не содержалось ничего, что наносило бы ущерб интересам меньшинств.

По нашему мнению, основная проблема будет лежать не в юридической плоскости, а в плоскости общественных отношений. Какими бы хорошими ни были новые законы, глубокая реисламизация общества на салафитских основаниях (при отказе от специфических традиций местного

Суннитско-шиитский раскол: кто кому угрожает?

Шииты есть среди мусульманского населения многих арабских стран (в Сирии – близкие к ним алавиты, в Йемене – зейдиты, в Ливане, Ираке, Саудовской Аравии – имамиты, даже в Египте проживает порядка 20 000 шиитов-имамитов), соответственно и проблема суннитско-шиитских отношений в большей или меньшей степени во всех них присутствует. При этом само

появление проблемы и ее обострение связано и с внешним влиянием, и с исторически обусловленными обстоятельствами, и с некоторыми особенностями исламской религиозной системы.

Почти все арабские страны на том или ином этапе своей истории переживали периоды шиитизации и шиитской государственности, память о которых сохраняется и поныне (Идрисиды в Марокко, Фатимиды в Тунисе, Египте и сиро-палестинском регионе, карматы на Аравийском полуострове и на территории южного Ирака, зейдитский имамат в Северном Йемене).

Шиизм, возникнув и развиваясь в первые века ислама как антиправительственное религиозное течение, адепты которого оспаривали верховную власть у суннитских халифов, имеет значительный протестный потенциал.

В совокупности с наличием позитивного, по мнению многих, иранского опы-

Серьезная угроза связана с опасностью использования межконфессиональных противоречий новыми властями для того, чтобы перенаправить общественное недовольство на миноритарные группы

ислама) приведет к тому, что меньшинства станут себя чувствовать некомфортно, в результате им придется либо эмигрировать, либо создавать собственные анклавные и маргинализироваться.

Особенно большую опасность это представляет для тех стран, где христиане составляют значительную часть населения, а межконфессиональные противоречия с особым драматизмом переплетаются с противоречиями внутриконфессиональными: главным образом, между суннитским большинством и шиитскими меньшинствами, принадлежащими к разным течениям – имами-тами, зейдитами, алавитами и др.

та государственности эти обстоятельства могут привести к тому, что определенная часть общества предпочтет суннитскому исламу не секулярный, а именно шиитский проект.

Уже сегодня такая альтернатива (какой бы маловероятной она ни казалась) заставляет исламистов (и в особенности салафитов) рассматривать шиитские меньшинства как «пятую колонну» внутри исламской уммы. В значительной степени здесь сказывается негативное отношение к Ирану с его мощными политическими амбициями в регионе и в мусульманском мире.

Проблема суннитско-шиитских отношений связана и с внешним влиянием, и с исторически обусловленными обстоятельствами, и с некоторыми особенностями исламской религиозной системы

Характерно в этом отношении, что египетское правительство, опасаясь шиитской пропаганды, запретило въезд в страну иранских туристов в 2013 г.

Наиболее драматический характер меж- и внутри конфессиональные отношения приобретают в тех случаях, когда конфессионализм становится основой выстраивания властных отношений и политической системы: в Ливане, Сирии, Ираке и на Бахрейне, а также до некоторой степени в Саудовской Аравии, на востоке которой компактно проживают около двух миллионов

шиитов, испытывающих постоянное давление со стороны консервативной суннитской власти.

Бахрейнский вариант занимает особое место в этом ряду: национальный диалог, инициированный властями в июле 2011 г. и включивший в себя представителей 300 общественных и политических организаций, в большой степени оказался удачным //По крайней мере, на сегодняшний день, что, разумеется, не отменяет возможности дестабилизации обстановки в будущем. Критики программы диалога указывают на то, что власть подменяет

в нем сущностные проблемы прав человека и политических прав и свобод решением конфессиональных противоречий// и позволил суннитским властям найти пути примирения с недовольным населением, в большинстве своем шиитским. Успешность бахрейнского опыта обеспечивалась довольно прочным

положением режима, обладающего внешними гарантиями безопасности со стороны государств-членов ССАГПЗ, наличием ресурсов для решения текущих проблем, а также относительной простотой сложившейся ситуации. Ведь, несмотря на опасное сопряжение социально-политической стратификации общества с его конфессиональным делением, все же в этом небольшом государстве речь шла об учете интересов всего двух основных групп, причем географически не локализованных и в целом признававших легитимность правящей династии.

В других случаях ситуация выглядит более угрожающей.

Ливан и Ирак уже пережили (и все еще переживают) ужасы межконфессионального противостояния. В Ираке развернувшееся после свержения Саддама Хусейна массовое насилие привело к сокращению

ответственности не реализовалась (или реализовалась лишь отчасти) благодаря политике внешних игроков, относительно прагматизму властей, определенной усталости общества от насилия и сохраняющейся взаимозависимости общин – наличие этих факторов позволило выработать некоторый конфессиональный баланс.

Наиболее драматический характер меж- и внутри конфессиональные отношения приобретают в тех случаях, когда конфессионализм становится основой выстраивания властных отношений и политической системы: в Ливане, Сирии, Ираке и на Бахрейне

численности христианского населения с полутора миллионов до 400 тысяч человек, с одной стороны, и к росту антагонизма между курдами, суннитами и шиитами, – с другой. Следствием антагонизма стало усиление географического размежевания этих трех групп, которое, в свою очередь, привело к росту сепаратистских настроений. При этом можно добавить, что среди курдов почти нет радикальных исламистов, поскольку главное для них – национальная повестка дня. Напрямую с угрозой распада страны столкнулся и Ливан в ходе гражданской войны, в результате которой ранее относительно дисперсно проживавшие христиане, мусульмане-шииты, мусульмане-сунниты и друзы стали локализовываться. В обоих случаях угроза распада государ-

Однако эта угроза все еще остается вполне реальной в случае перетекания в эти страны сирийского конфликта или даже простого нарушения означенного баланса в результате появления большого числа сирийских беженцев.

В менее проблемных странах, таких как Тунис и Египет, положение конфессиональных меньшинств во многом будет зависеть от развития отношений внутри собственно суннитских общин и в первую очередь между различными течениями внутри пришедших к власти исламистских партий.

Противоборствующие течения в суннизме: попытка дифференциации исламистов

Приход во власть политического ислама естественным образом привел к усилению его внутренней дифференциации. Основными критериями различения исламистских течений становятся: отношение к демократии и либеральным ценностям (включая права меньшинств), отношение к догматике при отправлении политической власти

и степень прагматизма в выработке политических решений. На основании этих критериев обыкновенно выделяются умеренные исламисты, салафиты и джихадисты. Первые принимают демократические нормы и процедуры, не отрицают либеральные ценности, признают рациональную аргументацию в политических спорах и, в целом, демонстрируют прагматизм. Вторые, признавая демократические процедуры, настаивают на ценностном плюрализме в глобальном масштабе и отстаивают специфическую исламскую систему ценностей; играя по существующим демократическим правилам, они все же не отказываются от идеи исламской государственности. Наконец, третьи выступают категорически против либерально-демократической политической системы.

Однако помимо этой, более или менее общепринятой, классификации некоторые эксперты предлагают и другую – основывающуюся не на характеристике политического поведения в настоящий момент, а на том, какие цели преследуются теми или иными силами. Они различаются между собой по своему отношению к обществу, государственным институтам, своим оппонентам и миноритарным конфессиональным группам. Они предлагают разные политические стратегии, иной раз взаимодополняющие, а иной – жестко противоречащие друг другу. По мнению большинства экспертов, такая классификация условна, но она позволяет выделить различные тренды, под влиянием которых будут формироваться политические системы и внешняя политика постреволюционных государств.

1. Либерал-исламисты. Это те силы, которые готовы признать демократическую политическую систему, отстаивая при этом исламскую идентичность. В случае доминирования такого подхода исламские политические партии просто должны занять определенное место в общей партийной системе. При том, что в конечном счете некий общественный консенсус по вопросу об историко-культурной и религиозной идентичности будет достигнут, эти партии будут соответствовать европейским консервативным партиям, отстаивающим традиционные ценности.

Либерал-исламисты – силы сугубо национальные; мусульманское единство, в лучшем случае, видится ими через призму укрепления региональных систем международных отношений и развития региональных культурно-цивилизационных идентичностей, а халифат – как потенциально возможная интеграционная группировка на Ближнем Востоке. Национальная ориентированность обуславливает и их бережное отношение к сложившимся государственным институтам, реформирование которых должно в конечном счете привести к их модернизации и большему соответствию демократическим стандартам (что предполагает итоговое отеснение армии и спецслужб от власти).

Секуляризм и представляющие его партии рассматриваются ими как оппоненты, но не враги (в отличие от морально неприемлемого атеизма). Наконец, они занимают вполне открытую позицию в отношении этно-конфессиональных меньшинств и даже готовы вовлекать их представителей в свои ряды.

Салафитские партии Египта

Аль-Асала, основана в 2011 году

Аль-Ватан, основана в 2013 году

Лидер

Адель Абдель Максуд Афифи

Имад Абдель Гафур

Шариат/правовые вопросы

Призывает к соблюдению мусульманского права

Поддерживает введение шариата в качестве основного закона

Женщины

Поддерживает предоставление политических и социальных прав женщинам

Стремится привлечь внимание к правам женщин. Поддерживают вступление женщин в партию и активное участие в ее деятельности

Копты

Выступает против участия коптов в президентских выборах

Поддерживает закон, гарантирующий свободу вероисповедания. Поддерживает вступление коптов в партию

Экономика

Стремится вернуть Египту ведущую роль в региональной торговле и международных экономических соглашениях

Поддерживает развитие инвестиций и научные исследования в сфере сельского хозяйства. Стремится к расширению торговли с другими странами за счет увеличения экспорта

Внешняя политика

Стремится к укреплению отношений со странами бассейна Нила. Полностью отрицает Кэмп-Дэвидские соглашения

Стремится к укреплению отношений со всеми арабскими странами

Конституция

Считает необходимым заменить «принципы исламского шариата» «законами шариата» (статья 2). Считает необходимым заменить формулировку «суверенитет принадлежит людям» на формулировку «суверенитет принадлежит только Богу» (статья 5)

Возражает против статьи 2, так как слово «принципы» ограничивает сферу применения шариата

Ан-Нур, основана в 2011 году

Ар-Рая, основана в 2013 году

Лидер

Юнес Махьюн

Хазем Салах Абу Исмаил

Шариат/правовые вопросы

Призывает к соблюдению мусульманского права

Поддерживает соблюдение норм шариата в законодательной деятельности и на практике

Женщины

Поддерживает сохранение традиционной роли женщин в обществе и не приветствует их стремление строить карьеру или добиваться ведущих позиций

Вопрос прав женщин не обсуждается в официальной программе

Копты

Поддерживает свободу вероисповедания для коптов и разрешает им вводить собственные законы касательного личного статуса

Призывает к справедливости для всех членов общества независимо от их вероисповедания и принадлежности к какому-либо классу

Экономика

Поддерживает экономическое равенство и выступает за перераспределение материальных благ. Против приватизации природных ресурсов. Поддерживает расширение исламских банков. Против зарубежной помощи и кредитов

Поддерживает использование уже существующего инвестиционного потенциала Египта и выделение имеющихся средств по принципу социальной справедливости

Внешняя политика

Уважает существующие договоренности и конвенции. Призывает к усилению роли Египта на региональной и международной арене

Против влияния западных держав, в особенности Израиля и США

Конституция

Поддерживает статью 2, в которой говорится, что ислам является государственной религией и что мусульманское право является основным источником законодательства

—

Источник: Middle East Institute

2. Сторонники долгой игры. Не отказываясь в принципе от идей исламской государственности и единства уммы, они осознают невозможность их реализации в краткосрочной перспективе. Победив на выборах в 2011 г., они столкнулись с целым рядом сложных социально-экономических проблем, решить которые сейчас им не под силу. В такой ситуации они обращаются к интеллектуальному наследию основателя движения «Братьев-мусульман» Хасана Аль-Банна: исламизация государства требует прежде всего исламизации общества. Соответственно,

дарств региона окажется переформатированным на исламских принципах, что приведет к формированию специфической «исламской демократии» – некоего аналога иранской модели, но в суннитском варианте. Демократические процедуры и модернизация будут в ней осуществляться в рамках исламского логико-смыслового пространства, отрицающего секуляризм. Последний, впрочем, по замыслу сторонников этого проекта должен быть не уничтожен или вытеснен в результате борьбы, а стать внутренне неприемлемым для общества.

Приход во власть политического ислама естественным образом привел к усилению его внутренней дифференциации

осознавая невозможность решить существующие экономические проблемы и ограниченность общественной поддержки (демонстрацией чего стали ноябрьские события в Египте и февральские в Тунисе), они ставят перед собой задачу использовать свое нынешнее пребывание у власти, чтобы закрепиться в тех сферах, посредством которых можно изменить общество. Прежде всего это религия, образование и СМИ. Одновременно они прилагают усилия для дискредитации антиисламистских политических сил.

В случае победы предлагаемой ими стратегии все политическое пространство госу-

На сегодняшний день сторонники долговременной стратегии готовы минимизировать обращение к религии в своей политической риторике и действовать, ориентируясь на национальные интересы, временно даже поступаясь принципом общемусульманского единства (но сохраняя его на будущее).

Объективно их главными противниками являются даже не светские политические партии (с которыми сегодня приходится сотрудничать, чтобы заручиться общественной поддержкой), а ценностно им близкие салафиты и джихадисты. Последние в своем стремлении удержать власть могут оказаться готовыми к насилию, которое в результате отвратит общество от политического ислама.

Решение реальных социально-экономических вопросов сегодня для исламистов

этого толка малозначимо, и они в целом продолжают политику предшествующих режимов, несколько приправляя ее популизмом, строящимся на идеях борьбы с коррупцией и дореволюционным наследием. Оказавшись в оппозиции, они станут использовать левый популизм в своей риторике, чтобы повысить популярность в обществе.

3. Странники «блицкрига». Подобно предыдущей группе они отстаивают идею исламской государственности и единства уммы, однако не готовы делать ставку на долговременный сценарий исламизации общества. Опасения их понятны: не факт, что кадровые назначения, принятые нынешними властями, не будут отменены в будущем и что им удастся продолжить свою деятельность по исламизации общества, оказавшись в оппозиции. Соответственно, главной задачей для них является максимально долгое сохранение нынешнего положения и удержание власти после окончания переходного периода. Помимо пропаганды в обществе и дискредитации оппонентов, наиболее важным для них должно стать овладение теми рычагами управления, которые позволяли долгое время обеспечивать стабильность свергнутым режимам – это, прежде всего, силовые структуры и судебные органы. Завоевание их доверия позволило бы исламистам в будущем минимизировать вероятность алжирского сценария.

По утверждениям критиков исламистов, в интересах представителей этого течения может оказаться ограниченное и контролируемое политическое насилие, рас-

пространение которого позволило бы им в будущем (при условии лояльности армии и внутренних войск) ввести чрезвычайное положение и прервать декларируемый демократический транзит.

Это, конечно, авантюристский сценарий. Его осуществление предполагает конечную монополизацию власти, вытеснение активных элементов гражданского общества и общую архаизацию.

Две последние группы близки друг другу по принципиальным вопросам, расхождения же носят скорее тактический характер. Более того, ряд аналитиков полагает, что описывая эти группы, мы на самом деле не анализируем реальность, а предлагаем две альтернативные объяснительные модели общей умеренно исламистской стратегии.

Действительно, и сторонники долгой игры, и сторонники «блицкрига» осознают необходимость сохранения сложившихся институтов государственной власти и их постепенного реформирования.

Они занимают схожие позиции по отношению к секулярным силам, хотя сторонники «блицкрига» прилагают больше усилий по их дискредитации, увязывая в своей риторике секуляризм с атеизмом.

В наибольшей степени позиции этих двух течений должны расходиться в области отношения к гражданскому обществу и креативному классу. Для сторонников «блицкрига» – это чуждые и враждебные элементы, представляющие вполне

реальную угрозу монополизации власти и зачастую несущие чуждые – секулярные – идеалы и ценности. Для приверженцев же долговременной стратегии – это та часть общества, поддержка которой необходима не только сегодня, но и в будущем, и потому на работу с ней должны быть направлены самые активные усилия.

4. Романтики салафизма. Если три описанные направления вполне рациональны и прагматичны в своем политическом поведении, то салафиты-романтики полагают, что доставшаяся им власть уже дарована им Богом, и ключевой их задачей является ее удержание и немедленная исламизация общества и государства. Они не стремятся к компромиссам с иными политическими силами, интересы уммы для них очевидно значимее интересов национального государства, многие из них готовы к применению насилия в случае попытки отстранения исламистов от власти. Это внутренняя оппозиция исламистов, критикующая их, но готовая их защищать. Они требуют от руководства исламистских партий немедленной шариатизации законодательства и перестройки политической системы. Именно из них могут быть сформированы партийные милиции или боевые крылья исламистских партий в случае необходимости.

5. Джихадисты. Они во всем подобны предыдущим группам за исключением отношения к умеренным исламистам, которые воспринимаются ими как предатели дела ислама. Вместе с тем, разграничение между этими двумя группами

может быть довольно условно, а их политическое поведение, согласно ряду экспертов, может меняться в зависимости от развития ситуации.

В численном отношении последние две группы очевидно маргинальны. Однако их готовность к массовому насилию делает их реальной угрозой для ближневосточных обществ. Опасность усугубляется в связи с гражданской войной в Сирии, распространением ливийского оружия в Северной Африке и рядом конфликтов в странах Сахеля.

Описанные течения внутри исламистских политических партий в большинстве своем не институционализированы и выделяются с большим трудом. Размежевание исламистов по этим линиям – дело будущего, и совершенно не факт, что оно произойдет в полной мере: вполне вероятно блокирование различных течений в рамках единых исламистских организаций (в виде фракций или различных групп в руководстве). Тем не менее, начало этому процессу уже положено, прежде всего, в Тунисе и Египте.

Специфическая ситуация сложилась в Ливии и в Йемене – в обеих странах религиозная идентичность политических партий и организаций оказывается вторичной по отношению к региональной и трайбалистской стратификации общества. В результате, как отмечают тунисские исламисты, условные «либералы», пришедшие к власти в Ливии, проводят более религиозно ориентированную политику, чем та же «Ан-Нахда».

Однако, например, в Йемене даже внутри наиболее авторитетной исламистской партии «Ислах» выявляются деятели, аналогичные либерал-исламистам (например, лауреат Нобелевской премии Таваккуль Карман), и их более консервативные оппоненты.

И либерал-исламисты, и романтики салафизма, хотя и входят в правящие круги, сегодня относительно маргинальны, доминирующее же положение сохраняют сторонники долговременной стратегии и «блицкрига».

4. Политический ислам и международные отношения на Ближнем Востоке

Как исламисты изменяют регион?

Выход политического ислама на авансцену арабской и международной политики продолжает вносить радикальные перемены в соотношение сил на региональном уровне. Распадаются старые связи, основанные

Можно посмотреть на ситуацию и иначе: «арабское пробуждение» ликвидировало существовавшие устои региональной солидарности, и теперь каждое государство неприкрыто руководствуется лишь собственными политико-экономическими интересами. Пришедшие к власти новые силы в своей деятельности значительной мере ориентированы не на выработку обоснованных программ решения имеющихся проблем, а на определение врагов и союзников, ориентируясь при этом на настроения «улицы».

Процесс трансформации арабских обществ будет расширяться и эволюционировать

на временном совпадении интересов, формируются новые альянсы. Их главной отличительной чертой становится конфессиональная общность и амбициозные расчеты региональных и внешних игроков использовать волатильную ситуацию для достижения конъюнктурной выгоды в борьбе за региональное лидерство и сферы влияния.

Ближневосточные аналитики единодушны в том, что процесс трансформации арабских обществ будет расширяться и эволюционировать. Политическим партиям и движениям, заинтересованным в коренных демократических преобразованиях в своих странах, необходимо наверстывать упущенное и готовиться к предстоящим событиям. В ближайшей перспективе можно ожидать серьезных

потрясений в монархиях Персидского залива. Уже сегодня значительная часть саудовской молодежи, получившей заграничное образование, не намерена поддерживать архаичный статус-кво в королевстве, ставший тормозом социально-политического развития общества. А проблема смены поколений лидеров может вызвать обострение противоборства кланов и патронажных групп.

По нашему мнению, регион вступил в затяжную полосу, отличающуюся хаотизацией политического поля, экономическим упадком и, в отдельных случаях, даже кризисом государственности. В ряде

В ближайшей перспективе можно ожидать серьезных потрясений в монархиях Персидского залива

стран (Ливия, Йемен, Ирак, Сирия) усилилась опасность дезинтеграции, терроризма и других проявлений исламизма радикального толка. Новым правящим элитам пока не удалось консолидироваться и показать свою способность продвинуться вперед на пути реализации провозглашенных целей и идеалов.

Политическое переустройство государств Арабского Востока будет и дальше проходить неравномерно, волнообразно, в том числе порой сдвижением вспять. Новые власти находятся под тяжелым прессом проблем, унаследованных от прошлых режимов и порожденных самим револю-

ционным взрывом. При этом экономика и политика в этом сложном уравнении со многими неизвестными оказываются связаны самым тесным образом.

Эксперты выделяют три ключевых блока проблем, от решения которых будут зависеть, в конечном счете, весь ход трансформационных процессов, изменение региональных балансов и характера взаимоотношений региона с внешним миром, с Западом и Россией.

Во-первых, сценарий развития событий в Египте – в этой на время потерявшей свой былой вес, но по-прежнему ключевой стране региона, и отчасти в Тунисе. Во-вторых, исход гражданской войны в Сирии, ее последствия для соседних арабских стран и влияние на соотношение сил между такими ведущими региональными игроками, как Турция, Египет, Саудовская Аравия и Иран. В-третьих, подвижки в палестинско-израильском урегулировании (если они будут), отложенном на задний план в ближневосточных внешнеполитических приоритетах под воздействием событий «арабского пробуждения», особенно в Сирии.

Возможность развития таких стран, как Египет и Тунис, а также и ряда других, по исламской, но демократической по своей сути модели существует: «Братья-мусульмане» внедряют такую уверенность в умы доверившего им управление страной населения и успокаивая напуганную либеральную часть общества. В этом

направлении совместно с международными финансовыми организациями работает и Запад, степень влияния которого будет одним из факторов в определении того, пойдет ли Египет и весь регион по пути модернизации в духе реалий современного мира. Вместе с тем, роль Запада, использующего зависимость Египта от внешней финансовой поддержки (помощи

го режима на внешнеполитической арене. Ожидать в краткосрочной перспективе каких-либо перемен в этом отношении не приходится.

Вместе с тем нельзя не отметить, что за Египтом, даже при всех переживаемых им внутренних потрясениях, сохраняется незаменимая роль первой арабской страны,

заклучившей мирный договор с Израилем, и неформального посредника в труднейшем палестинско-израильском диалоге. Актуальность и рельефность этой роли была подтверждена особенно в период обмена воздушными ударами между Газой и Тель-Авивом в октябре – ноябре 2012 г., т.е.

уже в период пребывания на своем посту президента Мурси. Египет также сохраняет свою роль посредника и в диалоге между двумя основными палестинскими движениями – близкому «Братьям-мусульманам» ХАМАС и ФАТХ, причем и при исламистах этот диалог, как во времена Мубарака, ведется под патронажем египетской разведки.

После смены режима в Египте у международного сообщества возникли опасения за судьбу египетско-израильского мирного договора, а также вопросы по поводу характера дальнейших отношений Египта с палестинцами и возможных корректировок его политики во всем ближневосточном регионе. Хотя по большому счету египетские «Братья-мусульмане» не определились с тем, как дальше выстраивать отношения с Израилем, все же есть достаточно

Регион вступил в затяжную полосу, отличающуюся хаотизацией политического поля, экономическим упадком и кризисом государственности

государств Персидского залива явно недостаточно), не следует преувеличивать. При нынешнем раскладе сил в регионе египетские власти имеют широкие возможности для политического лавирования.

На протяжении более чем пяти десятилетий Египет оставался влиятельным центром ближневосточной политики, несмотря даже на отказ от националистической идеологии панарабизма. Хаотичность внутренних трансформационных процессов ослабила влияние Египта. Усилилась его зависимость от набравших вес на межарабской арене арабских государств Персидского залива. Финансовая поддержка Египта со стороны Катара и Саудовской Аравии только по государственной линии, помимо различных исламских фондов, составила более 10 млрд. долл. США, что, безусловно, ограничивает свободу маневра ново-

оснований полагать, что постепенно верх берет осмотрительный и прагматичный подход. Официальные заявления и намерения соблюдать мирный договор египетские власти подкрепляют конкретными шагами по координации действий и, по сути дела, негласного сотрудничества с Израилем в борьбе с акциями террористов

быть поставлен вопрос о пересмотре в его пользу некоторых положений газовых контрактов с Израилем, на чем особенно настаивает антиизраильски настроенная ультраконсервативная часть египетских «Братьев-мусульман» (в Израиле отмечают рост антиизраильских настроений в Египте в целом).

За Египтом сохраняется незаменимая роль первой арабской страны, заключившей мирный договор с Израилем, и неформального посредника в труднейшем палестино-израильском диалоге

на Синайском полуострове. Более того, египетские спецслужбы сдерживают попытки палестинских экстремистов воспользоваться неким вакуумом безопасности на Синае в провокационных целях. Израиль в свою очередь старается не замечать некоторых нарушений положений мирного договора со стороны Египта, касающихся статуса египетского присутствия в пограничных районах Синая.

Время от времени египетские власти дают понять, что речь может идти о пересмотре некоторых положений договора, в частности условий, при которых возможно временное ограниченное военное присутствие Египта в пограничных районах, но исключительно в целях проведения антитеррористических операций. Кроме того, по инициативе Египта может

В отношении движения ХАМАС Каир изменил тактику поведения. Жесткая, иногда даже близкая к израильской, линия Мубарака сменилась на более мягкий подход в расчете взять под контроль наиболее радикальные фракции этого движения и постепенно оказывать на него влияние в выгодном направлении для

Египта с точки зрения его государственных интересов. В этом же русле, похоже, начали работать с движением ХАМАС Катар и, в меньшей степени, Саудовская Аравия, используя заинтересованность значительной части руководителей движения в выходе из международной изоляции и снятия с себя ярлыка террористической организации. Многое здесь будет зависеть от самого Израиля, который в условиях политической неопределенности в арабском окружении не только не проявляет гибкости, но и своей политикой на Западном берегу сужает шансы на образование жизнеспособного политического государства.

Как уже говорилось, одним из факторов, оказывающих огромное воздействие на регион, является, на наш взгляд, гражданская война в Сирии, где вполне вероятен

Роль «Братьев-мусульман» в политической системе Египта

Отдельные факты:

- Международная религиозно-политическая ассоциация
- В России признана экстремистской террористической организацией
- Девиз: «Ислам – это решение»
- «Братья-мусульмане» в мире:
 - Филиалы более чем в 70 странах мира
 - 1930-1950-е – распространение идей за пределы Египта, создание ячеек в Сирии, Ливане, Иордании, Судане и других арабских странах
 - 1960-1970-е – появление в США и Европе, деятельность в СССР, влияние на республики Средней Азии
 - 1980-е – создание одной из ветвей движения – организации ХАМАС

1928

Создание ассоциации учителем Хасаном Аль-Банной в Исмаилии (Египет). Начало просветительской и благотворительной деятельности

1936 – 1939

Начало политической деятельности как организации, основанной на принципах Корана и сунны

1948

Превращение в грозную политическую силу: 2000 филиалов, 2 млн членов. Организация терактов против правительства Египта, убийство премьер-министра Махмуда Нукраши

1950 – 1951

Легализация в качестве «религиозной ассоциации». Новый лидер – Хасан аль-Ходейби

1952

Поддержка Гамалы Абдель Насера во время Июльской революции

1954

Конфликт с революционным руководством Египта, неудачная попытка покушения на президента Насера. Введение запрета на деятельность ассоциации, аресты и эмиграция активистов

1964 – 1968

Амнистия репрессированных активистов. Три новых неудачных покушения на Насера. Вынесение смертного приговора нескольким лидерам

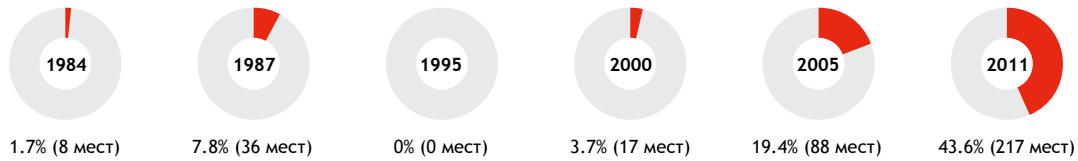

1928-1949
Хасан аль-Банна

1949-1972
Хасан аль-Ходейби

Места в Народной ассамблее – Нижней палате парламента

1970

Смерть Насера, начало президентства Анвара Садата. Смягчение политики по отношению к «Братьям-мусульманам». Активизация деятельности в Египте

1979

Ассоциация осудила египетско-израильское мирное соглашение и заняла резко оппозиционную позицию

1980-е

Убийство президента Садата членами террористической группировки «Египетский исламский джихад», отколовшейся от «Братьев-мусульман». Приход к власти Хосни Мубарака. Сохранение официального запрета. Участие в мирных акциях, сотрудничество с политическими партиями, выдвижение представителей на выборах в качестве независимых кандидатов

1990-е

Бойкот парламентских выборов после ужесточения избирательного закона

2000-е

Успехи в парламентских выборах. 2005 – 88 мест в Народной ассамблее – нижней палате парламента. «Братья-мусульмане» – крупнейшая оппозиционная парламентская фракция. Усиление репрессий со стороны египетских властей

2010

Бойкот парламентских выборов в связи с массовыми фальсификациями в первом туре

2011

Отсутствие значительной активности во время революции из-за опасений репрессий. Создание собственной политической партии – Партии свободы и справедливости

2012

Победа на президентских выборах кандидата от «Братьев-мусульман» Мохамеда Мурси. Партия свободы и справедливости заняла более 40% мест в парламенте страны

2013

Официальная регистрация ассоциации «Братья-мусульмане» в Египте. Свержение президента Мурси

1972-1986
Омар аль-Тильмисани

1986-1996
Мухаммад Хамид Абу аль-Наср

1996-2002
Мустафа Машур

2002-2004
Мамун аль-Ходейби

2004-2010
Мохаммад Махди Акеф

с 2010
Мохаммад Бадиа

сценарий прихода к власти с помощью военной силы исламистов, причем джихадистского толка.

От исхода внутреннего конфликта, где столкнулись интересы арабских монархий Персидского залива, Турции и Ирана, зависят не только пути и характер будущей политической трансформации этой страны, но и судьба окружающих ее государств.

Действующие на сирийской территории джихадистские группировки, руководствующиеся «аль-каидовскими» идеологическими установками, например, «Джабхат ан-Нусра»

окончанием боевых действий. «Джабхат ан-Нусра» и ее союзники не откажутся от своей цели и продолжат войну. Сохраняющаяся разобщенность в рядах оппозиции в случае свержения сирийского режима приведет к вооруженной борьбе за власть между самими «победителями», в которой исламистские силы имеют высокие шансы на успех. Такой исход в свою очередь неминуемо вызовет ослабление позиций представителей умеренного политического ислама в Египте, Тунисе, Ливии и других арабских странах. Новый импульс получают аффилированные с «Аль-Каидой» террористические организации, действующие в Йемене, Сомали, в Северной Африке и в зоне Сахеля.

От исхода внутреннего конфликта в Сирии зависят не только пути и характер будущей политической трансформации этой страны, но и судьба окружающих ее государств

//«Джабхат ан-Нусра» открыто признала свою принадлежность к «Аль-Каиде»//, состоящая в основном из иностранных боевиков-добровольцев или наемников, сами не скрывают своей решимости создать в Сирии после свержения режима Асада «государство, базирующееся на шариате, полностью отвергающее мирские законы и демократию». В качестве следующего шага планируется «установление халифата в Леванте (Биляд аш-Шам)».

Гипотетическая победа светской части вооруженной сирийской оппозиции не станет

В случае победы джихадистов в Сирии произойдет взрыв этноконфессиональных столкновений, в которые будет активно и быстро втягиваться население граничащих с ней государств. Высказывается мнение, что реализация такого сценария не исключит территориального раздела или кантонизации не только Сирии, но и ряда других стран, прежде всего, Ирака и Ливана.

Эвентуальный распад Сирии вызывает опасения и у Израиля. Израильское руководство считает Асада главным источником проблем, и его представители указывают, что не боятся прихода суннитских радикалов – главное, чтобы была разорвана цепочка Иран – Сирия – «Хизбалла». Тем не менее, развал государственности не может не вызывать у Израиля опасений.

Согласно точке зрения, находящей все большее количество сторонников, радикальный режим можно сдержать, если при нем сохранится страна. В противном

интересах. Антииранский уклон, усилившийся с приходом «арабского пробуждения», помимо боязни Ирана и его военной мощи вызван еще и политическими последствиями американского вторжения в Ирак, а затем и ухода оттуда войск коалиции без предоставления стране должных гарантий безопасности. Изменение конфессионального баланса сил в Ираке в пользу шиитского большинства с большой обеспокоенностью было воспринято в Саудовской Аравии и, особенно, на Бахрейне, где шииты составляют большинство населения.

В случае победы джихадистов в Сирии произойдет взрыв этноконфессиональных столкновений. Реализация такого сценария не исключит территориального раздела или кантонизации не только Сирии, но и ряда других стран, прежде всего, Ирака и Ливана

случае возможности сдерживания у Израиля будут ограничены, а наличие ядерного оружия может приобрести куда более угрожающие очертания.

Одним из факторов переформатирования региона может стать обострившееся противостояние между оформившимся военно-политическим союзом арабских государств Персидского залива и Ираном. Сирия оказалась фактически в тисках этого противостояния, все больше приобретающего внутриконфессиональный характер. Во внешнем плане усилия аравийских монархий направляются на поддержку набирающего силу исламского течения суннитского и даже ультраконсервативного салафитского толка как средство противодействия Ирану с его ядерными амбициями и стремлением использовать взлет исламизма в своих собственных

В новом региональном контексте наметилось усиление роли Турции. В принципе оно имело место на протяжении нескольких лет, но события в арабских странах дали турецкой политике новый импульс, основанный, как подчеркивают в правящей партии, на моральных соображениях (поддержка интересов восставшего народа). После того, как Турция поддержала арабскую улицу, перед ней, по мнению некоторых экспертов, встал нелегкий выбор, который наиболее отчетливо проявился на ливийском и сирийском примерах. После того как турецкие граждане были вывезены из Ливии, турецкое руководство поддержало операцию НАТО. Логика событий определила формирование сходных или параллельных интересов Турции с Западом и в отношении Сирии. Как отмечают специалисты, когда развитие ситуации в Сирии стало непосредственно

угрожать Турции (обстрелы, беженцы), то ее естественное желание как можно скорее прекратить конфликт трансформировалось в стремление как можно скорее покончить с режимом Асада.

Отсюда и поддержка идеи бесполетной зоны, и вооружение оппозиции. Во внутривосточном плане правительство столкнулось по этому поводу с критикой со стороны своих оппонентов, полагающих, что Турция стала частью конфликта, а не его решения. Позиция по Сирии лишь подчеркнула новую более активистскую роль, которая позволяет Турции сохранить баланс между различными внешнеполитическими векторами: членством в НАТО, региональными амбициями, собственно турецким национализмом с исламскими чертами.

Одним из факторов переформатирования региона может стать обострившееся противостояние между оформившимся военно-политическим союзом арабских государств Персидского залива и Ираном

Одновременно Турция намерена упрочить свои связи и с Египтом, что встречает у египетского руководства полную поддержку. По нашему мнению, оно понимает, что скопировать турецкую модель невозможно, да и не нужно, но связи с Турцией для него естественны и желательны, поскольку позволяют получить партнера, действительно перспективного и не вызывающего аллергии ни у одной политической силы в стране. Кроме того, отношения с Турцией остаются противоречивыми по отношению к Ирану. Хорошо известно, что египетская бюрократия выступает против них, да и для «Братьев-мусульман» при всем их прагматизме Иран с конфессиональной точки зрения партнером быть не может.

Опасность длительной дестабилизации региона в случае, если в исламистском движении возьмет верх радикальное кры-

ло, начали осознавать и на Западе. Примечательны в этом отношении предостережения ветерана американской дипломатии Генри Киссинджера: «Если смена режима не влечет за собой строительство нового государства, в нем возникают «белые пятна» беззакония. Так уже случилось в Йемене, Сомали, в северной части Мали, в Ливии и на северо-западе Пакистана, так вполне может случиться и в Сирии» // *Washington Post*, 04.06.2012//.

При таком обороте событий внешнеполитическая стратегия международного сообщества на поддержку умеренных исламистов и встраивание их в общедемократический контекст со своими не противоречащими этому контексту ценностями может потерпеть неудачу. В этом случае разлом в отношениях Запада с исламским миром будет все больше приобретать цивилизационную окраску.

В России существует в целом маргинальная точка зрения, что в таком контексте она сможет использовать исламский проект как некую альтернативу западной неоллиберальной модели. Мы полагаем, что определенная заинтересованность в развитии отношений

с РФ, в том числе и для балансирования отношений с Западом, у новых арабских правителей существует // *По мнению некоторых представителей исламистских партий, пришедшие к власти новые силы должны быть открытыми миру, готовыми к развитию партнерских отношений со странами, не проводившими колониальной политики (Россия, Китай, Индия), нормализации отношений с Ираном, адекватному удовлетворению прав национальных меньшинств. Успехи (или неудачи) в решении этих сложных проблем и будут определять будущее политического ислама//*, и на нее надо быть готовыми дать ответ. Однако увлечение игрой на противоречиях между исламскими и западными моделями общественного устройства могут обернуться для самой России, являющейся поликонфессиональной страной, серьезными внутривосточными издержками.

**Внешнее вмешательство:
защита населения
или свержение режимов?**

Проблема внешнего вмешательства, традиционно вызывавшая много споров, является одной из центральных в последние десятилетия. «Арабское пробуждение» и выступления оппозиции (нередко вооруженной)

**Опасность длительной дестабилизации
региона в случае, если в исламистском
движении возьмет верх радикальное
крыло, начали осознавать и на Западе**

против авторитарных режимов привели к тому, что международное вмешательство стало рассматриваться как императив, при этом став слишком политизированным инструментом в руках тех, кто был готов его применить. Одновременно расширились и его рамки: от оказания помощи режимам и их оппонентам до прямого военного вторжения.

На Ближнем Востоке система сдержек и противовесов складывалась веками, и негативный опыт использования военного вторжения уже имеется. Хорошо известно, что вмешательство в Ираке привело к разрушению издавна сложившегося «треугольника стабильности» в регионе, основанного на взаимном сдерживании КСА, Ирака и Ирана, развязало руки Ирану и привело к активизации его ядерной программы.

Формы использования международными акторами этого инструмента и его эффективность варьируются в зависимости от уровня угроз, исходящих из политики того или иного режима, степени консолидации международного сообщества в выборе и легитимации методов реагирования. Существует концептуальное оформление различных форм внешнего воздействия на конфликты (превентивная дипломатия, гуманитарная интервенция, «ответственность за защиту»), направленных на их деэскалацию.

Понятия «гуманитарная интервенция», «ответственность за защиту» относительно новые. При этом нет четкого понимания того, какие методы и цели внешних игроков действительно соответствуют заложенным в эти концепции принципам, а какие отражают эгоистические стремления повлиять на ситуацию, направив ее развитие в выгодном для себя направлении. Появление новых форм вмешательства связано как с усилением международного внимания к насилию по отношению к населению или отдельным этническим или конфессиональным группам со стороны государства, так и с новыми тенденциями в трактовке национального суверенитета.

«Время абсолютного и исключительного суверенитета прошло; его теоретическая концепция никогда не подтверждалась реальной жизнью, – заявлял бывший генеральный секретарь ООН Бутрос Гали. – Задача руководителей государств сегодня состоит

Вмешательство в Ираке привело к разрушению издавна сложившегося «треугольника стабильности» в регионе, основанного на взаимном сдерживании КСА, Ирака и Ирана, развязало руки Ирану и привело к активизации его ядерной программы

в том, чтобы понять это и обеспечить равновесие между потребностями хорошего внутреннего управления и требованиями все более взаимозависимого мира» //Бутрос Гали Б. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. Нью-Йорк, 1995//. В то время как большинство специалистов готово, во всяком случае на словах, признать справедливость такого вывода, их все же смущает то обстоятельство, что в условиях глобализации и интенсификации наднациональных контактов полный отказ от идеи суверенитета способен привести к разрушению практически любых международных норм и отношений. Кроме того, нельзя не принимать во внимание противоположные тенденции – абсолютизацию суверенитета новыми независимыми государствами, а также теми государствами на Ближнем Востоке, где произошла революционная смена режимов. Новые режимы в значительной степени движимы национализмом, замешанном не столько на светской, сколько на религиозной, исламской, основе.

Как известно, наиболее распространенным вариантом определения суверените-

та является право государства на полное самоуправление на определенной территории и монопольное принятие решений. На международном уровне это означает невмешательство во внутренние дела других государств. До сих пор не существует общих представлений о том, какие нарушения прав человека могут оправдать военное вмешательство.

Нормы международного права и международная практика обеспечивают защиту населения во время военных действий между государствами. В случае внутреннего конфликта и разворачивающегося насилия в рамках одного государства ограничители, связанные с суверенитетом, не только становятся препятствиями для реализации этих норм, но и предполагают разработку новых. Государству отведена главная роль в защите безопасности собственного населения, и оно обладает для этого необходимыми инструментами. Но в действительности оно может и представлять угрозу для собственных граждан. Это иногда имеет место в ситуациях, при которых государство приносит в жертву интересы индивидуумов и отдельных групп во имя интересов других групп (или большинства). Еще большая угроза – эта борьба за контроль над властными институтами. Политическое насилие в некоторых государствах стало почти перманентным. Если государство не может или не хочет предотвратить катастрофу, принцип невмешательства уступает место принципу международной защиты населения.

По нашему мнению, противопоставление концепций суверенитета и прав человека методологически неверно и исторически неправомерно, но в ряде случаев без внешнего вмешательства просто нельзя обойтись. При этом существуют обоснованные опасения, что внешние силы могут использовать даже санкционированную ООН или региональными организациями интервенцию ради реализации собственных политических задач. Хаотичная смена правил приводит к смене альянсов и союзников. Так, в Мали внешние силы воюют против

достаточной мере регулируют их осуществление, б) в мире есть всего несколько стран (или групп стран), способных на их осуществление. Если все определяется целями, а средства никого не волнуют, то объекты международных отношений размываются, а правила становятся неопределенными. Средства вмешательства, используемые сегодня, в конечном счете оказываются направленными на достижение абстрактных и размытых целей и идеалов, таких как распространение демократии в обществах, не разделяющих либеральных ценностей.

Появление новых форм вмешательства связано как с усилением международного внимания к насилию по отношению к населению, так и с новыми тенденциями в трактовке национального суверенитета

тех, кого они поддерживали в Ливии. Одновременно внешнее вмешательство может преследовать и вполне практические цели. Неслучайно появилась точка зрения, что главной причиной ввода вооруженных сил Франции в Мали был ее интерес к месторождениям урана, которые находятся на севере этой страны.

С точки зрения некоторых аналитиков, способной примирить ярых противников и сторонников внешнего вмешательства, интервенции плохи не сами по себе, а потому что: а) существующие правовые механизмы не в

Президент Обама, как известно, перефокусировал внешние вмешательства с военных интервенций на мягкую силу, что, безусловно, было позитивно. Но при этом тезис о необходимости развития демократии в различных обществах так и остался крайне идеологизированным инструментом влияния.

Легитимность вмешательства, с точки зрения международного права, не означает, что оно всегда рассматривается как крайнее средство в условиях, когда все остальные возможности воздействия на ситуацию уже исчерпаны. Существует искусство использовать вместо малоэффективного и длительного поиска политических развязок более простые и быстрые решения, что в принципе реабилитирует применение военной силы в современных международных отношениях. В то же время и катастрофическое развитие событий, сопровождающееся многочисленными жертвами

и угрозой расширения насилия, требует порой немедленного реагирования с тем, чтобы избежать развития по худшему сценарию. И здесь важную роль играет то, насколько большую угрозу представляют те или иные события для международной безопасности. Жестокая резня в Руанде не вызвала реакции со стороны внешних сил, которые могли бы попытаться остановить ее, и такое отношение к человеческой жизни было отнесено некоторыми аналитиками к проявлению двойных стандартов.

и обеспечения трансформации в более либеральную модель; предлог – возможная угроза миру и безопасности со стороны режима (Ирак).

3. Поддержка оппозиционного движения или военная защита от режима (Ливия), а также финансовая и военная помощь оппозиции, не перерастающая в прямое военное вмешательство (Сирия), с целью трансформации подвергающегося давлению режима.

Противопоставление концепций суверенитета и прав человека методологически неверно и исторически неправомерно, но в ряде случаев без внешнего вмешательства просто нельзя обойтись

В настоящее время можно выделить три модели вмешательства, диктовавшегося (формально) целями осуществления трансформации.

1. Восстановление государственности и управляемости: ввод войск международной коалиции в страну с распавшейся государственностью (failed state), ставшую серой зоной и источником угроз мирового и регионального масштаба (Афганистан).

2. Ввод войск в страну, где управляемость обеспечивалась диктаторским режимом, в отсутствие мощного внутреннего сопротивления режиму с целью его свержения

По сравнению с двумя другими вариантами действия коалиции в Афганистане вызывали относительно мало нареканий, хотя и сопровождалась жертвами среди мирного населения. По мнению экспертов, для этого были свои причины. Распад государства и отсутствие сил, способных самостоятельно найти политические компромиссы и приступить после

многoletней гражданской войны к восстановлению разрушенного; фрагментация участников политического процесса; архаизация общества; неспособность справиться с криминалитетом и террористами, – все это в комплексе требовало внешнего воздействия для нейтрализации возникших угроз и возвращения Афганистана в русло нормального общественного развития. Главное, однако, заключалось в том, что ввод сил коалиции в Афганистан осуществлялся не собственно ради трансформации Афганистана, а с целью борьбы с международным терроризмом, агенты которого чувствовали себя в этой

лишенной нормального управления стране вполне вольготно. Афганистан воспринимался как фронт борьбы с угрозой, приобретшей глобальные масштабы, что позволяло до известной степени игнорировать просчеты и неудачи коалиции.

Иначе выглядела ситуация в Ираке, где режим Саддама Хусейна крайне жесткими методами обеспечивал целостность страны, и где ни одна тоталитарная террористическая организация и помыслить не могла, чтобы бросить ему вызов.

Президент Обама перефокусировал внешние вмешательства с военных интервенций на мягкую силу. Но тезис о необходимости развития демократии в различных обществах остался крайне идеологизированным инструментом влияния

Недостаток мотивации для вторжения привел к отсутствию консолидированной международной поддержки. Не борьба с глобальной угрозой, а ставка на свержение режима были главными побудительными моментами. Запрет партии «Баас» и роспуск армии, изменение привычной вертикали управления со ставкой не на суннитов, а на шиитов привели к тому, что процесс стабилизации растянулся на многие годы, и Ирак до сих пор испытывает серьезные системные трудности. Историей успеха это вмешательство не стало.

Еще более сложной проблемой является военное вмешательство в условиях, когда в стране уже развернулось гражданское противостояние и когда число жертв среди населения постоянно растет. Такое положение изначально создано по вине самого правящего режима. Тоталитарная или жестко авторитарная власть, как правило, неспособна к внутренней трансформации. Проведение радикальных политических реформ рассматривается как уступка современному образованному и относительно вестернизированным слоям, которые не могут быть и не станут опорой режима.

Авторитарные лидеры становятся заложниками политики, ведущей к дестабилизации, поскольку за современными силами оппозиции движется традиционалистская масса, остановить которую с учетом внешней помощи и поддержки можно лишь с помощью применения прямого и масштабного насилия. Формула эта неуниверсальна – там, где сложились развитые политические институты, где правитель не держится за власть вопреки всему, есть примеры сравнительно мирных трансформаций. Так, Египет, Тунис самостоятельно проходят путь перемен, хотя и там продолжаются столкновения, поляризуются отношения между умеренными и радикальными исламистами.

Основания для внешнего вмешательства могут возникнуть в тех случаях, когда количество жертв, принесенных на алтарь

сохранения старых порядков, начинает превосходить все возможные масштабы и когда трансформация не может быть реализована в отсутствие ее агентов. В этом плане ливийские события все еще требуют уточнения оценок и подходов. С одной стороны, не вызвала сомнений готовность ливийского режима уничтожить

новить которые уже нельзя без прямого внешнего вмешательства, не означают, что такое вмешательство реально возможно. Принуждение к миру с помощью специальных сил так или иначе означает поддержку одной из сторон, что в условиях гражданского конфликта всегда будет восприниматься как политически мотивированное действие.

В Ливии силы НАТО фактически сражались на стороне оппозиции, и результат ливийской операции в известной мере дискредитировал саму идею вмешательства.

Даже большие жертвы и ожесточенный характер столкновений, остановить которые уже нельзя без прямого внешнего вмешательства, не означают, что такое вмешательство реально возможно

Поддержка режима или оппозиции в условиях гражданского противостояния тоже представляет собой вмешательство.

оппозицию, что требовало принятия соответствующих мер. С другой, расплывчатые положения резолюции 1973 и цели участников вторжения, судя по всему, не полностью совпадавшие с поставленными задачами, привели к действиям, не совместимым с задачами СБ ООН по стабилизации ситуации. Попытки ограничить возможности режима по использованию насилия против собственного населения вылились во внесудебную расправу над Каддафи.

Наибольшие споры вызывает ситуация вокруг Сирии. Как известно, там имеет место как поддержка режима Асада со стороны глобальных и региональных сил, так и поддержка оппозиции. Активно проводят свою линию США и другие государства Запада, Россия и Китай, Иран, Турция, Саудовская Аравия, Катар. Бомбардировки Сирии периодически осуществляет Израиль. Все большую роль играют негосударственные акторы в регионе – у них есть силы и средства для широкомасштабных и далеко идущих действий. Речь идет об организациях, политических партиях, боевиках, проникающих в Сирию из многих государств региона. Как представляется, мир вступает в новую стадию развития, когда основными игроками становятся различные группы, а взаимодействие внешних сил приобретает все менее упорядоченный характер. Сирия дает пример кровавого

Главным вызовом для Ливии остается воссоздание государственных институтов, которые сейчас слабы или не существовали в период режима Каддафи. Страна по-прежнему испытывает угрозы внутренней безопасности и «милицейской анархии».

Вместе с тем, даже большие жертвы и ожесточенный характер столкновений, оста-

и ожесточенного столкновения, в котором за счет постоянной подпитки обеих сторон наметилось своего рода динамическое равновесие.

Ни одна сторона не смогла обеспечить себе убедительный перевес сил. Жертвы исчисляются многими десятками тысяч

стание части населения против режима, которое власти стали жестко подавлять. Со временем оппозиция радикализовалась, перешла к вооруженной борьбе и сегодня отряды боевиков, среди которых есть немало наемников и добровольцев из-за рубежа, нарушают права человека не в меньшей, если не в большей мере, что и режим.

Обе стороны конфликта будут стоять до конца, у них есть оружие, они сильны и экзистенциально мотивированы. Каждая сторона имеет своих внешних патронов и симпатизантов. Но решение может быть найдено, возможно, при достижении соглашения на глобальном уровне (РФ-США), при тесной

координации усилий с игроками регионального уровня, непосредственно воздействующими на ситуацию.

Нужно искать пространство для маневра сейчас, поскольку по Сирии международное сообщество фактически топчется на месте. Например, было высказано предложение о создании международного комитета по Сирии с представительством всех значимых глобальных и региональных акторов. Этот комитет мог бы выработать позицию, задачи и меры по их решению в связи с ситуацией в Сирии.

Процесс принятия политических решений, которые способны привести к военному вмешательству, не вполне соответствует нынешней сложной обстановке. Огромную роль играют средства массовой информации, формирующие общественное мнение и политические решения на основе

Сирийский вариант вскрыл серьезные ограничители и для гуманитарной интервенции, и для реализации концепции «ответственность за защиту»

(при этом не будем забывать, что гораздо больше людей было убито за десять лет пребывания войск коалиции в Ираке – до 200 тысяч человек, а число беженцев из этой страны превышало число беженцев из Сирии сегодня), страна разрушена, однако, по нашему мнению, остановить бойню с помощью внешнего вмешательства не представляется возможным даже технически. Сирийский вариант вскрыл серьезные ограничители и для гуманитарной интервенции, и для реализации концепции «ответственность за защиту». При этом, во-первых, члены СБ ООН склонны поддерживать разные стороны конфликта и по-разному относятся к военному вмешательству. Во-вторых, при таком уровне ожесточенности любые силы, введенные в страну, не смогут закрепиться, станут объектом для нападения и вряд ли смогут навязать прекращение огня. В начале кризиса в Сирии имело место мирное вос-

виртуальной картины, которая на деле может быть далека от действительности. Во всех случаях активизация контактов с режимами и оппозицией на двусторонней и многосторонней основе, создание миссий по поиску фактов, использование международных НКО должны стать важ-

ными, но ошибки так и остались на совести организаторов вторжения. Винить, разумеется, стоит не только их, но и силы, на которые они делали ставку и которые оказались не готовы к новому уровню политической ответственности. Можно было бы вернуться к практике составления Белых книг, отражающих причины успехов и неудач.

Международное сообщество должно пытаться больше соблюдать установленные правила, чтобы окончательно не обрушить хрупкий баланс региональных и внутригосударственных сил

ными дополнительными инструментами верификации информации, поступающей из конфликтных зон.

Важно проанализировать и подвести итоги предыдущих случаев внешнего вмешательства. Их результаты часто были сомнитель-

ными, но ошибки так и остались на совести организаторов вторжения. Винить, разумеется, стоит не только их, но и силы, на которые они делали ставку и которые оказались не готовы к новому уровню политической ответственности. Можно было бы вернуться к практике составления Белых книг, отражающих причины успехов и неудач.

Внешнее вмешательство вызывает и будет вызывать много негативных эмоций. Однако оно всегда в той или иной форме будет сопровождать конфликты, воздействовать на них, способствовать их разрешению или, напротив, углублению противостояния. Что касается международного сообщества, то оно по крайней мере должно пытаться больше соблюдать установленные правила с тем, чтобы окончательно не обрушить хрупкий баланс региональных и внутригосударственных сил, заменить который нечем.

5. «Новый» Ближний Восток, политический ислам и интересы России

Основные интересы РФ в регионе Ближнего Востока казались на протяжении долгого времени постоянными и неизблевыми. Традиционно РФ была заинтересована в развитии дружеских связей со всеми входящими сюда государствами; углублении торговых отношений; в расширении рынков сбыта военной и гражданской

происходит их реализация, значительно усложнился и предполагает поиск новых подходов.

Положение начало меняться после «арабского пробуждения», которое обозначило более органичные и серьезные взаимосвязи в контексте региональных и глобальных отношений. Рост и укрепление политического ислама в арабском мире, приход к власти исламистов в государствах, охваченных революционными событиями и перспектива их большего влияния на политические процессы стали общими составляющими Ближнего Востока на нынешнем этапе и, вероятно, останутся таковыми и в будущем. Для России, имеющей собственное мусульманское население, позиционирующей себя и воспринимаемой как часть исламского мира (статус наблюдателя в ОИС), граничащей с входящими в исламский ареал государствами, это

Российская Федерация является многонациональным и поликонфессиональным государством с важной исламской составляющей. Взаимоотношения христианства с исламом в России лишены антагонизма

продукции; координации усилий в энергетической сфере; недопущении создания направленных против России альянсов; противодействию экстремизму и терроризму и т.п. В принципе эти интересы сохраняются и сейчас, но контекст, в котором

означает значительное повышение места Ближнего Востока на шкале ее внешнеполитических интересов.

Российская Федерация является многонациональным и поликонфессиональным государством с важной исламской

На протяжении 1990-х гг. Россия сохраняла и даже развивала отношения со странами региона, но в целом, располагая в то время лишь ограниченными ресурсами, не могла и не стремилась к серьезному повышению своей роли. Российская политика, нацеленная главным образом на поддержку россий-

ского бизнеса, на сохранение присутствия в ближневосточном урегулировании и на поддержание определенного уровня отношений со всеми игроками в некоем деидеологизированном варианте, приобретала все более рутинный характер. «Арабское пробуждение» способствовало формированию действительно нового для России Ближнего Востока.

События на Ближнем Востоке неожиданно приобрели для России внутривнутриполитическое измерение. Россия сама становится полем, на котором осуществляется непростое взаимодействие между светскими и религиозными силами, включая умеренных и радикалов внутри ислама

составляющей. Господствующие позиции занимает суннизм ханафитского толка, который хорошо уживается с православием, – взаимоотношения христианства с исламом в России лишены антагонизма. В России нет агрессивного атеизма, а в ценностном отношении православие близко исламу.

Мусульмане играют важную роль в стране даже в отсутствии собственных политических партий. Россия обладает опытом общения с близлежащими мусульманскими государствами, у нее есть давние связи с арабским миром, нет колониального прошлого, она является правопреемницей СССР, который поддерживал национально-освободительное движение арабов.

Главным элементом новизны стало то, что события на Ближнем Востоке неожиданно приобрели для России внутривнутриполитическое измерение. Вызовы, исходящие ныне из региона, носят для нее внутривнутриполитический характер, и это существенно отличает нынешнюю ситуацию от той, в которой интересы России могли быть сформулированы в самом общем виде. Фактически Россия сама становится полем, на котором осуществляется непростое взаимодействие между светскими и религиозными силами, включая умеренных и радикалов внутри ислама. Жизненно важные для нее государства, лежащие к югу от ее границ, впрочем, как и сама она, оказались зажатыми между бурлящими арабскими странами и Афганистаном, где после вывода иностранных войск не исключены сценарии радикально-исламистского

реванша. Такие процессы создают новый, более благоприятный контекст для деятельности сторонников политического ислама в самой России, которые теперь могут рассчитывать на широкую помощь и поддержку своих зарубежных партнеров, в том числе различного рода негосударственных игроков: фондов, организаций и т.п.

События в регионе тесно связаны с попытками западных государств прямо или косвенно навязать обществам Ближнего Востока несвойственную им неолиберальную повестку дня

Степень подверженности иностранному влиянию всегда связана с внутренними проблемами, и Россия здесь вовсе не исключение. Исторически она представляет собой конгломерат различных этнических групп, отличающихся религией, традициями, уровнем модернизации, политической и социальной включенности в жизнь общего для всех государства.

Как известно, даже внутри одного этноса социально-культурные различия могут быть очень велики: население больших городов резко отличается от отрезанных от современного производства и культуры жителей маленьких, зачастую вымирающих деревень или мелких российских городов и поселков.

В ряде мусульманских регионов России социально-культурный разрыв является очень

глубоким. Клановый характер политики, элементы архаизации, отсутствие социальной справедливости, ангажированность правоохранительных органов, вопиюще несправедливое богатство, безработица, коррупция, ставшая системным фактором, существуют внутри современного государства. Ощущаемое в обществе несовпадение провозглашенных и конституционно закрепленных принципов с ситуацией на местах заставляют людей искать ответа у радикалов с их понятными и простыми рецептами. При этом успех радикальной проповеди зависит и от демонстрационного эффекта, от того, как будут развиваться события на Арабском Востоке и в Афганистане.

Нынешняя угроза дестабилизации, исходящая из ближневосточного региона, не сводится только к исламистскому фактору. Внешнее вмешательство воспринимается в России даже как более значимый с точки зрения безопасности фактор. По мнению ряда российских, а также и некоторых зарубежных экспертов, события в регионе тесно связаны с попытками западных государств прямо или косвенно навязать обществам Ближнего Востока несвойственную им неолиберальную повестку дня. Поскольку либеральные идеи чужды и непонятны традиционной части населения, результатом внешнего вмешательства может стать только уход легитимных режимов и появление на их месте случайных в политике и не готовых нести ответственность за страну лидеров оппозиционных организаций. Еще хуже, считают эти

эксперты, если речь идет о военном вмешательстве на стороне той же оппозиции, способной в дальнейшем лишь разрушить государственность, углубить межконфессиональные и межэтнические противоречия. При таком развитии событий западное вмешательство и радикальный ислам оказываются тесно связанными друг с другом,

событий в арабских странах, на внешних игроков сильно искажает истинную картину.

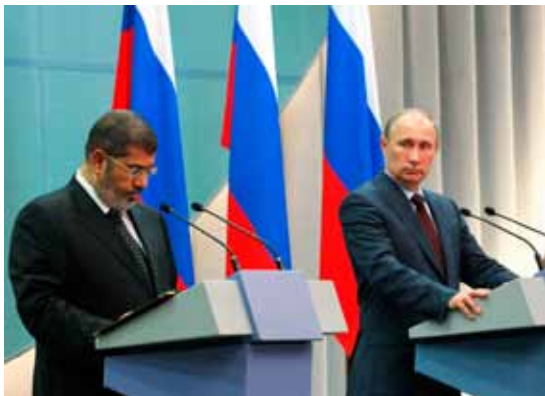
Серьезным вызовом для российской политики стала ситуация в Сирии. В отличие от революций в Тунисе и Египте, где вопрос о внешнем влиянии все же оставался спорным, несмотря на рост антиамериканизма, особенно в сезон выборов в РФ и США, развитие событий в Сирии не оставляло сомнений относительно уровня внешнего воздействия. Хотя Асада и нельзя назвать союзником России, поддерживая легитимный режим, российская дипломатия выступала против попыток свергнуть его силами, политически крайне раз-

Позиция России по Сирии была призвана продемонстрировать Западу и ряду региональных акторов необходимость считаться с ее ролью в международных делах, учитывать ее мнение и подходы

более того, Запад (например, в его подходах к ситуации в Сирии) рассматривался как сила, вольно или невольно способствующая победе экстремистов.

Проблема части российской политической элиты, испытывающей оправданное или не всегда оправданное недоверие к Западу, заключается в том, что несовпадение политических систем интерпретируется ею как источник экзистенциального конфликта. В таком контексте любые события в арабском мире, во-первых, рассматриваются как происки Запада (в рамках привычных конспирологических схем), во-вторых, примеряются на себя (а вдруг и нам здесь устроят «оранжевую революцию» или что-нибудь похуже). Перенос внимания с внутренних политических сил, являющихся главными двигателями турбулентных

ношерстными, но сплоченными внешней подпиткой и выдвигающими уход президента в качестве предварительного условия для начала любых переговоров. Жесткая принципиальная позиция России, выступающей за политическое решение проблемы без предварительных условий, не всегда находила понимание в арабском мире и в СБ ООН. Намерение защитить нормы международного права нередко трактовалось как эгоистическое стремление сохранить Асада любой ценой. При этом нельзя отрицать, что позиция по Сирии имела для России и инструментальное значение. Она была призвана продемонстрировать Западу и ряду региональных акторов необходимость считаться с ролью России в международных делах, учитывать ее мнение и подходы. В этом же ряду находилось решение о поставках зенитно-ракетных комплексов

С-300 сирийскому режиму по ранее заключенным контрактам, а также перспектива возрождения Средиземноморской эскадры, что было непосредственно связано, как полагают аналитики, с событиями вокруг Сирии. Поиски подобных дополнительных рычагов влияния всегда оправданы, но желательно, чтобы они не приводили

сирийским боевикам, равно как и решение государств Евросоюза о фактическом отмене эмбарго на поставки им вооружений (несмотря на некоторые ограничения), к тому же принятые в преддверии готовившейся конференции по Сирии, подготовка боевиков в лагерях западными инструкторами открыли путь к продолжению кровопролития и разрушения страны, эскалации конфликта.

Мусульмане России могли бы стать мостом в отношениях с арабским миром

к ситуации, которая может быть расценена как прямое участие в событиях (что, правда, уже делают другие игроки).

В реальности ситуация в Сирии может быть не только предметом раздора между Россией и другими глобальными и региональными игроками, она способна и предоставить возможности для сближения и конструктивного диалога.

Договоренность между РФ и США о созыве конференции по Сирии стала новым механизмом взаимодействия между глобальными и региональными игроками, несмотря на сохраняющиеся противоречия. На фоне таких противоречий все больше обозначилось сближение позиций: никто не заинтересован в продолжении кровопролития в этой стране и возможном приходе к власти радикалов, что будет иметь катастрофические последствия для страны и региона. Однако решение США о поставке оружия

Спонтанность «арабского пробуждения», неготовность многих политических партий принять в нем участие, в том числе посредством разработки привлекательной социально-экономической программы, предопределили победу исламистов, располагающих организованной организационно-политической и информационной структурой, а также достаточными финансовыми средствами. Принимая во внимание, что процесс этого пробуждения далеко не завершен, политическим партиям и движениям, заинтересованным в коренных демократических преобразованиях в своих странах, необходимо наверстывать упущенное и готовиться к предстоящим событиям. Не подвергающаяся сомнению данность состоит в том, что вышедшие на политическую авансцену силы должны доказать, что они способны стать агентами перемен, понимают меру выпавшей им исторической ответственности и готовы взять на себя груз не решенных ранее проблем. Чем успешнее они будут продвигаться по этому пути, тем больше будет побудительных мотивов у России по налаживанию и расширению связей с умеренными исламистами. Готовность

развивать отношения с новыми режимами для продвижения межцивилизационного диалога является для России с ее поликультурным наследием одной из основополагающих ценностей.

Мусульмане России могли бы стать мостом в отношениях с арабским миром. Особенно важно вновь активизировать вопрос образования как для российских мусульман в арабских странах, так и для арабов в России. В СССР получили образование тысячи арабских студентов. Многие из них женаты на русских, но этот неформальный ресурс влияния Россия не использует.

Борьба между умеренными и радикалами будет в значительной степени определять будущее государств Ближнего Востока. Опыт арабских государств, сталкивавшихся с проявлениями религиозного экстремизма, может оказаться полезным для России и ее союзников

Справедливо критикуя экстремистов, РФ все же следует более дифференцированно подходить к исламистским организациям. Среди них есть группировки и партии, которые имеют главным образом местную повестку дня, включены в борьбу за национальные идеи и не желают действовать на территории других государств ради поддержки исламистских формирований с сомнительной репутацией и целями. Например, движение ХАМАС в свое

время быстро разочаровалось действиями моджахедов в Афганистане, заключив, что они управляются из США и Саудовской Аравии во имя целей, не имеющих ничего общего с джихадом. Движение никогда не поддерживало исламских сепаратистов в России, исходя из того, что их борьба также далека от исламских идеалов, тем более что палестинцы многим обязаны поддержке Москвы. Россия уже внесла свой вклад в примирение между ХАМАС и ФАТХ, и сейчас есть надежда, что общее правительство, наконец, будет сформировано.

Сказанное не означает, разумеется, необходимости поддерживать любые действия ХАМАС, но, по нашему мнению, следует акцентировать различия, имеющиеся между этим движением и более радикальными и безответственными исламистскими палестинскими группировками, такими как «Исламский джихад» или террористические группировки, связанные с «аль-Каидой».

Переговоры президента России Владимира Путина с президентом Египта Мухаммадом Мурси в Дурбане (ЮАР), а затем в России во время официального визита египетского президента в нашу страну сигнализировали о намерении и готовности России развивать отношения с новыми режимами арабского мира, в которых ведущую роль играют исламисты. Неслучайно начавшееся сотрудничество получило позитивную оценку со стороны подавляющего большинства зарубежных

участников Ближневосточного диалога // Однако не все эксперты разделяют эту точку зрения. Так, наиболее ярые сторонники секуляризма ставят под вопрос необходимость взаимодействовать с ближневосточными исламистами, которые, по их мнению, попирают идею светскости государства, ведут линию на установление теократической формы правления, не уважают общепризнанные права человека. В то же время представители, к примеру, партии «Ан-Нур» подчеркивают, что их партия выступает против установления какой бы то ни было диктатуры и за «гарантию общепризнанных прав»//.

Аналитики из арабских стран говорят, что режимы и партии исламской направленности нуждаются в налаживании взаимопонимания и сотрудничества с Россией, а также выстраивании диалога с ее общественно-политическими кругами. В виду возможной предубежденности, существующей здесь в вопросе о роли и месте ислама в жизни общества и в политике, речь должна идти, прежде всего, о разъяснении программ новых режимов, их внутри- и внешнеполитических целей, позиций по отношению к конфессиональным и национальным меньшинствам, положению женщины в мусульманском обществе.

Режимы и партии исламской направленности нуждаются в налаживании взаимопонимания и сотрудничества с Россией. России также стоит активнее работать над улучшением своего имиджа в глазах арабо-мусульманского мира, разъяснять свои внешнеполитические цели и конкретные действия

Лучшее понимание друг друга, реализация общей задачи по борьбе с экстремизмом и терроризмом необходимы как России, так и исламистским партиям ради обеспечения стабильного развития. И политики, и экспертное сообщество указывают на то, что борьба между умеренными и радикалами будет в значительной степени определять будущее государств Ближнего Востока. Опыт арабских государств, сталкивавшихся с проявлениями религиозного экстремизма, может оказаться полезным для России и ее союзников.

Однако в поликонфессиональном обществе такое взаимодействие обладает собственной динамикой, что предполагает поиск новых подходов, в большей степени отвечающих новым международным и национальным реалиям.

В свою очередь России также стоит активнее работать над улучшением своего имиджа в глазах арабо-мусульманского мира, разъяснять свои внешнеполитические цели и конкретные действия, чтобы не давать повод интерпретировать их зачастую как противоречащие интересам новых, исламски ориентированных режимов и политических сил на Арабском Востоке. В то же время политика

в этом направлении должна проводиться достаточно взвешенно, так как очевидно, что исламский мир не представляет собой единого целого. В нем существуют группы стран, между которыми имеют место противостояние и соперничество, как на политическом, так и на конфессиональном уровне. Действия репутационной направленности помимо официального уровня должны, на наш взгляд, вестись и по каналам научных, культурных, общественных, женских, молодежных, спортивных обменов, неправительственных организаций, через проведение совместных культурных, спортивных, молодежно-студенческих фестивалей, что позволит представителям различных культур и традиций преодолеть взаимное недоверие и предвзятость и лучше понять друг друга.

6. Послесловие

Когда этот доклад уже был подготовлен к печати, в Египте произошел очередной виток трансформации: после очередной волны массового уличного протеста, на этот раз – против президента и исламистов, военные отстранили Мурси от власти, распустили парламент, приостановили действие конституции и сформировали временное руководство страны на период до выборов. Несмотря на неожиданность такого развития событий, они подтвердили несколько ранее сделанных нами выводов. Во-первых, «арабское пробуждение» – длительный и болезненный процесс, в ходе которого страны региона могут ожидать новые перемены и потрясения. Во-вторых, «арабская улица» стала серьезным политическим актором, способным вызывать системные изменения государственного порядка. В-третьих, военные, во всяком случае в Египте, остались одной из самых влиятельных сил, которая не уступила даже такому мощному игроку, как получившие поддержку около половины населения на выборах «Братья-мусульмане». В-четвертых, египетское общество, как и сирийское, и многие другие, оказалось расколотым, и этот разлом, фрагментированность вряд ли удастся легко преодолеть. Пока в нем нет явных проигравших и победителей, и было ясно, что новым властям будет ничуть не проще решить сложнейшие социально-экономические проблемы страны, чем администрации «Братьев-мусульман».

Показательно, что США, ранее с воодушевлением поддержавшие свержение режима Мубарака и сделавшие ставку на

поддержку умеренных исламистов, которые декларировали свою приверженность демократии, теперь уже поддержали отстранение от власти демократически избранного президента путем военного переворота. Вряд ли соответствовала западным представлениям о демократии такая мера новых властей, как декрет министра внутренних дел о закрытии «религиозных» телевизионных каналов. А саудовский монарх уже через два часа после того, как генерал Абд аль-Фаттах ас-Сиси объявил президента Мурси низложенным, поддержал переворот и послал поздравительную телеграмму назначенному армией новому президенту страны Адли Мансуру //Bruce Riedel. *Saudi Arabia Cheers the Coup in Egypt. "The Daily Beast", July 7, 2013*// . О своей поддержке стали заявлять и другие правители арабских государств Персидского залива (но не поддерживающий «Братьев» Катар). Тот факт, что турецкий лидер осудил переворот, означал, что в отношении между наиболее влиятельными игроками региона – Саудовской Аравией и Турцией, почти консолидированно выступавших на сирийском фронте, наметилась серьезная напряженность. Аналитики утверждали, что турецкое руководство «было деморализовано» египетским переворотом //Candar Cengiz, July 8, <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/07/turkey-akp-demoralized-egypt-coup.html#xzz2YXj9J2oB>// и что происшедшее неизбежно окажет влияние на сирийскую политику Анкары. Часть из них даже заговорила о кризисе модели Партии справедливости и развития Эрдогана, о чем свидетельствовали продолжающие акции

протеста в Стамбуле и некоторых других городах страны. Падение «Братьев» испугало и лидеров движения ХАМАС, которые в последнее время стали ориентироваться на них.

Можно предположить, что дальнейшее развитие событий на Ближнем Востоке сделает тему политического ислама еще более актуальной для региональной и мировой политики.